

18+

Diana Ars

18+

ЗВЕЗДА СЕВЕРА

Diana Ars

Звезда Севера

«Издательские решения»

Ars D.

Звезда Севера / D. Ars — «Издательские решения»,

Когда материк раскололся на четыре великих государства, мир держался лишь на хрупких союзах, древних клятвах и страхе перед новой войной. Айлин Крассер — наследница Нордстара и последняя надежда Севера. Для своего народа она не просто принцесса. Она — Звезда Севера, девушка из древнего пророчества, способная изменить судьбу материка. Но сама Айлин всегда мечтала лишь о свободе. Пока однажды её имя не стало причиной политической игры, в которой любовь стоит слишком дорого.

© Ars D.

© Издательские решения

Содержание

Хроники материка	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	45
Глава 9	50
Глава 10	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Звезда Севера

Diana Ars

© Diana Ars, 2026

ISBN 978-5-0070-4550-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хроники материка

За триста двадцать семь лет до наших времен материк не был разделён. Не существовало отдельных Нордстара, Восточного Альянса, Запада или земель Южного Огня. Весь материк носил одно имя — Эларион. Государство четырёх морей. Империя гор, степей и ледяных проливов. О нём до сих пор говорили почти как о легенде.

Старые дороги Элариона, выложенные белым камнем, всё ещё проходили через весь материк. Некоторые мосты, построенные тогда, пережили сотни войн и до сих пор соединяли берега рек. Даже руины древних крепостей вызывали у людей страх и восхищение. Эларион был слишком велик для своего времени.

Столица империи — Эстериум — находилась почти в центре материка, на пересечении торговых путей. Город строили семьдесят лет. Белые башни. Мраморные площади. Храмы с золотыми куполами. Огромные библиотеки. Акведуки. Театры. Сады. Говорили, что ночью Эстериум сиял так ярко, будто звёзды спускались на землю. Именно там впервые появились общие законы материка. Общая монета. Общий язык знати. Общая армия. Эларион процветал почти сто лет. Север поставлял меха, лёд и железо. Восток — зерно, лошадей и золото. Запад строил флот и укрепления. Юг контролировал караваны и морскую торговлю. Люди свободно путешествовали между регионами. Браки между северянами и жителями Востока считались обычным делом. Даже армии комплектовались смешанно. Но чем сильнее становилась империя, тем больше росли амбиции её лордов. Особенно на Востоке и Западе. Историки позже назовут начало падения Элариона *«Спором двух солнц»*.

Восточный лорд Рейнар Вейр требовал расширения власти торговых домов и большей самостоятельности регионов.

Западный лорд Браган Торвель настаивал на абсолютной власти центрального трона и усилении армии. Оба считали, что именно они спасают империю. Оба были уверены в своей правоте. Сначала это были споры в совете. Потом покушения. Потом убийства. А затем началась война. Самая страшная война за всю историю материка. Она длилась почти десять лет. Горели города. Армии Элариона уничтожали сами себя. Брат шёл против брата. Север поддержал Восток. Юг — Запад. Целые провинции вымирали от голода, потому что дороги были разрушены.

Во время осады Эстериума погиб почти весь императорский род Дарнейев. А сам император Эрас III Погибель империи Дарнейр был жестоко убит западным лордом, когда спал в своих покоях. А когда столица окончательно пала, стало ясно: Эларион больше не спасти.

Тогда четыре сильнейших дома материка заключили Договор Четырёх Корон. Чтобы остановить бесконечную резню, империю разделили на четыре независимых государства. Так появились:

- Нордстар — ледяное королевство Севера;
- Восточный Альянс — военная монархия;
- Запад — торговые пути всего материка;
- Южные кочевые территории, позже ставшие Южным Огнём.

После этого материк прожил почти три века в относительном равновесии. Войны случались. Перевороты тоже. Но никто больше не пытался собрать Эларион заново. Слишком живой оставалась память о миллионах погибших. Люди боялись возвращения древнего ужаса.

Но самой молодой трагедией материка оставался раскол Юга. Всего двадцать лет назад южные земли ещё были едины. Огромные степи, пустыни и прибрежные города подчинялись одному союзу племён. Тогда магия была частью их жизни. Колдуны помогали искать воду в пустынях. Предсказывали песчаные бури. Лечили болезни. Южане почитали огонь как священную силу природы. Но постепенно взгляды разделились. Часть колдунов начала считать,

что магия должна управлять людьми. Что только владеющие огнём достойны власти. Особенно сильны эти идеи стали среди десяти древнейших семей юга.

Они называли себя Смотрителями Огня. Каждая семья отвечала за своё направление силы: одни занимались пророчествами, другие — войной, третьи — ядами, четвёртые — тайными знаниями, пятые — ритуалами огня.

Но кочевые племена не приняли эту идею. Они считали, что магия должна служить людям, а не править ими. Конфликт быстро превратился в ненависть. Сначала исчезали отдельные вожди. Потом начали гореть лагеря. А затем юг захлебнулся гражданской войной. Колдуны жгли целые поселения. Кочевники вырезали семьи магов. Пустыня на годы стала красной от крови. Именно тогда юг раскололся окончательно. Кочевые племена образовали Южный Огонь. И выбрали своим правителем Аскара Мактана — сильного воина, сумевшего объединить разрозненные племена.

А колдуны ушли в вулканические земли и пепельные пустоши. Так возникло Южное Пламя. Там не существовало единого короля. Смотрители Огня считали монархию слабостью. Вместо трона власть принадлежала десяти главенствующим семьям. Каждая управляла своей частью жизни государства.

Одна — войной.

Другая — шпионами.

Третья — обрядами.

Четвёртая — казнями.

Пятая — обучением детей магии.

Именно поэтому Южное Пламя казалось остальному матерiku таким пугающим. У них не было одного правителя. Не было столицы в привычном понимании. Не было даже постоянной армии. Но при этом их влияние проникало повсюду. Через страх. Через пророчества. Через огонь.

Нордстар, что означает Северная Звезда, лежит под вечным покровом зимы. Эти земли закованы в лёд и снег почти круглый год. Могучие горы, возвышающиеся на севере, служат защитой от ветров и чужеземных набегов, но даже они не могут удержать морозы, сковывающие жизнь. Западные хребты оберегают северян от дикарей, а великая река, текущая через весь материк, становится единственной связующей нитью между холодным севером и остальными землями.

Запад называют сердцем материка. Его плодородные равнины и зелёные леса веками кормили целые поколения. По берегам великой реки выросли города, ставшие центрами торговли и ремёсел. Но богатство редко приносит покой — народы Запада постоянно сталкиваются с набегами и вторжениями, и потому научились сочетать воинскую доблесть с искусной дипломатией. Тот, кто владеет Западом, владеет путями и судьбой всего материка.

Восточный Альянс славится миролюбием и единством. Его княжества и города связаны договорами и клятвами, но и здесь скрываются распри, что тлеют под поверхностью. Альянс стоит на пути предсказанной катастрофы, великой войны, о которой предупреждали колдуны южных земель тысячи лет назад. Лишь их сила и верность хранит материк от окончательного раскола.

Южный огонь — земля палящего солнца и древних ритуалов. Его равнины и холмы дышат жаром, а леса скрывают руины давно исчезнувших цивилизаций. Считается, что именно здесь родились первые люди, поклонявшиеся огню. Южный огонь суров, но именно его кузнецы куют непревзойдённое оружие, а воины прославились своей яростью и стойкостью.

Южное Пламя — край, окружённый Пламенным океаном. Это обособленная территория, где царит своя, непостижимая магия. Государство хранит тайны, в которые не посвящены чужеземцы, и не ведёт политических союзов с соседями. Колдуны Пламени испокон веков

наблюдают за ходом истории, храня пророчества о грядущих бедствиях. Именно здесь была предсказана великая война, что изменит судьбу материка.

Таков мир пяти государств — мир, в котором холод противостоит жаре, мир ищет баланс между союзом и войной, а судьба целого материка зависит от того, кто сумеет удержать власть в своих руках.

Глава 1

В сердце Нордстара, в древнем городе Айсен, жизнь кипела сильнее, чем когда-либо. Князь и хранитель северных земель возвестил новость, что потрясла весь город: приближаются выборы жениха для его единственной дочери, княжны Айлин.

Город готовился к событию, и каждый камень древних улиц, казалось, дышал предвкушением. По узким мостовым, проложенным меж снежных валов, тянулись торговые ряды. Купцы выкладывали на прилавки меха белых медведей, ледяные кристаллы, добытые из глубинных шахт, и вяленое мясо северного оленя — пищу, без которой не пережить зиму. Звон кузнечных молотов разносился по кварталам, ведь ни один праздник не обходился без новых клинков, наконечников для копий и пряжек для поясных ремней.

Айсен, окружённый горами, стоял словно крепость, вырезанная из самого льда. Его башни, острые и строгие, венчались снежными коронами, а стены были увешаны знаменами с символом Нордстара — сияющей белой звездой на синем фоне. Ветер рвал ткани, трепал их, и они хлопали, словно дыхание самого зимнего неба.

Наступала рождественская ночь. По дворам воины разводили костры, и от треска дров и пляшущего пламени морозная мгла казалась мягче. Дети катались на санях по ледяным улицам, смеясь звонко, будто колокольчики, а женщины спешили к храму, неся свечи в честь звезды, которая, по преданию, оберегала северян от вечной тьмы.

Жизнь в Айсене всегда была сурова: метели вырывались в каждый дом, холод сковывал землю до каменного звона, а ночи длились так долго, что казалось, солнце навсегда покинуло север. Но люди здесь рождались с горячей кровью и гордым сердцем. Их смех раздавался громче вьюги, их песни звенели крепче колоколов, а хмельные пиры длились до рассвета, даже если рассвета приходилось ждать неделями.

Ныне же город дышал особым торжеством. Улицы украшали ледяными статуями — прозрачными, будто сотканными из самого дыхания зимы. На площадях устанавливали огромные костры, вокруг которых собирались ремесленники и воины, старики и дети, каждый со своей историей и надеждой.

А над всем этим, в высоких чертогах княжеского дворца, готовился пир, какого Айсен не знал много лет. Гулкие залы наполнялись мехами и тканями, дубовые столы ломились от дичи и медовухи, а стражники затачивали свои топоры, предчувствуя, что праздник может обернуться новым союзом — или новой бедой.

Ибо, когда в дом князя приходит весть о браке его дочери, весть эта становится судьбой не только семьи, но и всего Нордстара.

Среди всей этой суеты, песен и огня, среди многоголосого гомона Айсена, имя княжны Айлин звучало громче всех. Каждый знал, что именно ради неё готовился столь пышный праздник, и каждый хотел хотя бы краем глаза увидеть ту, ради которой сойдутся послы Востока, Запада и Юга.

Айлин была воспитана, как и подобало дочери князя, — в холодных залах дворца, где на стенах висели мечи и щиты её предков, а окна выходили на заснеженные равнины. С детства её учили чтить северные законы, носить тяжёлые меха, держаться прямо, не показывать ни страха, ни слабости. Но за всем этим строгим воспитанием скрывалось сердце, в котором горел огонь не менее яркий, чем костры на площадях.

Айлин любила спускаться в город, хотя и под покровом капюшона, скрывая лицо от любопытных глаз. Она знала вкус запаха хлеба из городской пекарни, слышала смех простых дев, катавшихся на льду, и видела, как юноши упражняются с деревянными копьями на улицах. Всё это было ближе её душе, чем величие холодных тронов.

Но в ту ночь, когда весь Айсен готовился к великому торжеству, княжна чувствовала не радость, а гнёт. В её покоях зажигали свечи, служанки укладывали её волосы, вплетая в них серебряные нити, подбирали меха и ткани, достойные княжеской дочери. Но Айлин стояла у окна, вглядываясь в снежный вихрь, что кружил над городом, и в груди её зрела решимость.

Она знала, что этот праздник не для неё. Что её судьба — стать пешкой в игре держав, женой чужого человека, чьё имя будет звучать громче её собственного. Но кровь её бурлила, как река весной, и мысли её уносились туда, где не было цепей, ни княжеских залов, ни чужой воли.

Вспоминался купец из Запада — его глаза, тёплые, как огонь в камине, его слова, обещающие свободу и иные земли. Он казался ей ключом к миру за пределами Нордстара, к жизни, в которой можно самой выбирать свой путь.

Пока внизу город пел и готовился встречать рождественскую ночь, княжна Айлин впервые осознала: её жизнь принадлежит ей самой, и никто не вправе решать её судьбу.

В покоях княжеского дворца горел камин. Пламя, скрипя и потрескивая, отбрасывало тёплый свет на стены, обитые тяжёлыми коврами с изображением древних битв. Сквозь узкие окна доносился вой ветра и звон колоколов города, но здесь, в этих залах, царило тепло и покой.

Айлин сидела рядом с матерью. Джослин, мягкая в голосе и строгая в поступках, словно сама воплощала северную мудрость. Её руки, украшенные простыми серебряными браслетами, не знали праздности — то поправляли мех на плечах дочери, то перебирали нити узора на её платье.

Отец, князь Деон Крассер, восседал в кресле напротив. Его фигура, закованная в меха и сталь, внушала уважение, но глаза — тёплые, чуть усталые — выдавали в нём не только правителя, но и заботливого отца. Он рассказывал о предстоящем празднике: о том, какие гости придут, какие речи прозвучат, и как важен будет этот день для всего Нордстара.

Рядом, словно два северных котёнка, неугомонно дурачились её братья-близнецы, Даррел и Деймон. Им едва исполнилось пятнадцать зим, но энергия их, казалось, могла бы растопить даже ледяные стены Айсена. Они бросались друг в друга подушками, изображали бой на мечах, а в минуты затишья пытались спрятаться за высоким креслом отца, будто верные стражи. Их смех наполнял зал, и даже суровый Деон не мог скрыть улыбки, когда видел их проделки.

Айлин смотрела на всё это с особым теплом. В эти мгновения она забывала о тяжести судьбы, о грядущем выборе и о том, что праздник станет не только весельем, но и решением её будущего. Семья рядом — и этого, казалось, достаточно, чтобы холод мира отступил за стены.

Джослин говорила о том, какие наряды готовят к празднику, напоминала, что дочь должна держаться гордо, «как истинная северная звезда». Деон вздыхал, слушая жену, и обещал, что его дочь будет блистать не хуже предков. А Даррел и Деймон наперебой уверяли, что сестра всё равно красивее любых нарядов, лишь бы смеялась и не хмурилась, как он сам. И в этой простоте, в тепле камина, в близости родных было то, что Айлин любила сильнее всего. Она знала: мир за этими стенами суров и жесток. Но в сердце Нордстара, в кругу семьи, она чувствовала себя не княжной, а просто дочерью, сестрой, любимой и защищённой.

Поздним вечером, когда смех её братьев стих в коридорах, а камин догорал тихим огнём, Айлин сидела у окна своей горницы. Лёд узорами лег на стекло, а за окном метель кружила в диком танце. В груди её жила одна мысль — побег. Мысли возвращались к тайным мечтам о свободе, к обещаниям купца из Запада, к дорогам, что ведут вдаль от ледяных стен Айсена. В сердце княжны горел тихий бунт.

Но голос, нарушивший тишину, был голосом осторожности.

— Миледи, — раздался шёпот Эмили, её верной служанки, вошедшей неслышно. Она поклонилась, опустив глаза, но в голосе её слышалась тревога. — Простите за смелость, но ваши мысли опасны.

Айлин молчала, но Эмилия, словно угадывая её намерения, продолжала:

— Завтра придут свиты. Из Южного Огня едут кочевники, воины степей, желающие подружиться с Нордстаром. Они принесут дары — золото, кони, ткани, которых наши края не видывали. Из Запада — свита монархов, во главе с принцем, что с детства мечтал о браке с вами. Для него этот союз — не только долг, но и давняя мечта. А из Восточного Альянса придут лучшие воины — они будут охранять своего принца, который уже давно желает взять в жёны дочь северного князя.

Эмилия приблизилась, её голос стал тише, но настойчивее:

— Все королевства ждут этого союза, миледи. Ваш брак — надежда материка. Уход... побег... это приведёт к беде.

Айлин слушала, но сердце её не соглашалось. Она видела перед глазами не короны и дары, не клятвы и обещания. Она видела путь — дорогу, уводящую прочь от этих стен, от выборов, сделанных за неё.

Снежинки ударялись о стекло, и в каждой Айлин видела зов свободы. Эмилия же, склоняясь перед ней, пыталась удержать её от шага, что изменит судьбу не только дочери князя, но и всего Севера.

Айлин поднялась с подоконника и, не отрывая взгляда от метели за окном, сжала руки так крепко, что ногти впились в ладони. Слова Эмилии звенели в ушах, но не находили отклика в сердце.

— Надежда материка... союз королевств... — прошептала она сама себе, и в голосе её прозвучала горечь. — Всё это чужие слова. Но что будет со мной?

Эмилия хотела возразить, но княжна подняла руку, словно прося тишины. В её глазах блеснуло пламя, неведомое суровым северным ночам.

— Я не стану игрушкой для чужих амбиций, — произнесла она тихо, но твёрдо, так, словно давала клятву не только себе, но и самой звезде, сиявшей где-то за снежными тучами. — Я уйду. Пусть метели преградят мне путь, пусть стража встанет на моём следе, но я покину эти стены.

Она подошла к камину, и в отблесках огня её лицо казалось решительным, почти воинственным.

— Я выберу свой путь, Эмилия. Даже если он приведёт меня к гибели. Но лучше погибнуть свободной, чем жить в цепях.

Эмилия опустила голову, не смея спорить, и лишь прошептала:

— Тогда я буду молиться, чтобы звезда Нордстара оберегала вас.

Метель завывала сильнее, словно сама природа услышала слова княжны. Но Айлин уже не колебалась. В ту ночь она дала клятву — и с этого мгновения её жизнь перестала принадлежать отцу, князю, или материкам, что ждали её брака. Она принадлежала только ей.

Глава 2

Издревле на землях Южного Пламени, сокрытых за высокими горами, жили колдуны. Народ Севера называл их «огненными хранителями» — за то, что они владели силой, будто самой природой дарованной. Но истина была иной: колдуны веками скрывали знания, что превосходили разум простых людей.

Земли, что отделяли Север и Юг, стали границей не только государств, но и миров. За ними пылали степи, где солнце, казалось, ближе к земле, а звёзды — ярче. Но северяне редко видели тот край. Дороги к нему были опасны, перевалы — коварны, и лишь самые отчаянные купцы или паломники решались пересекать их.

Отношения между Нордстаром и Южным Пламенем всегда были хрупкими. Северяне ценили силу и прямоту, южане же — тайное знание и хитрость. Где север решал всё мечом и клятвой, юг искал ответы в пророчествах и магии. Так возникла вековая пропасть — взаимное недоверие, замаскированное редкими союзами.

И всё же Север нуждался в южных травах, без которых не прожить в зимние бури. А юг не мог обойтись без северного железа, закалённого в ледяных кузницах Айсена. Торговля связывала их, как тонкая нить, но за этой нитью скрывался вековой страх: северяне опасались, что колдуны однажды решат выйти из-за гор и подчинить себе материк.

Слухи говорили, что в Южном Пламени хранят древние пророчества о грядущей войне. Говорили и о том, что каждый изгнанный колдун несёт с собой не просто знание, но часть опасной истины, которую магический круг хранит от всего мира.

Айлин с детства слышала эти истории у очага. Её братья пугали её сказками о южных тенях, что крадут души. Отец же лишь отмахивался: «Север не боится ни тьмы, ни магии. Север стоит на своей звезде». Но даже он не мог скрыть тревоги, когда на северных границах появлялись редкие послы Южного Пламени.

Теперь же, в преддверии праздника, именно Южное Пламя впервые за многие годы готовилось прислать свою свиту в Айсен. Говорили, что среди них будет один из изгнанников — колдун, что потерял милость своего круга. Его присутствие могло означать всё: и новый союз, и новую угрозу.

Вечером, когда метель заволакивала стены Айсена, в Большом Зале дворца собрался княжеский совет. Каменные своды дрожали от гулких голосов, факелы мерцали в кованых держателях, и тени, словно живые, скользили по стенам.

Князь Деон сидел на высоком резном кресле, покрытом волчьими мехами. Его взгляд был тяжёл, как и долг перед Нордстаром. По правую руку — бояре в богатых меховых шубах, по левую — воеводы, в чьих руках блестело оружие, закалённое в северных кузницах.

— Южное Пламя шлёт свою свиту, — начал князь, и в зале воцарилась тишина. — За многие зимы впервые их шаги будут слышны в Айсене. Они несут дары, но несут и тень. Что скажете?

Седой Арквен поднялся первым. Его голос был хриплым, как снег под сапогами:

— Милостивый князь, я скажу прямо. С юга идёт не свита — идёт колдовство. Их слова сладки, но в сердцах их яд. Не впускай их за стены. Пусть торгуют за перевалом, но не здесь, в сердце Нордстара.

На это возразил советник князя Стайнор, чьи плечи были широки, а голос — словно удар боевого барабана:

— Но, господин, отринем ли мы союз ради страха? Их травы спасают наших раненых, их зелья продлевают жизнь. И если они предлагают дружбу — отвергнем ли мы её в час, когда весь материк шепчет о войне?

В зале загудели голоса. Одни требовали закрыть ворота, другие — принять южан с почестями.

— И не забывайте, — вмешался ещё один боярин, — среди их свиты будет изгнанный колдун. Изгнанный! Что, если это ловушка? Что, если их цель — сеять раздор под крышей нашего князя? — Снова заговорил Арквен.

Гул поднялся сильнее, словно сама буря ворвалась в зал. Деон поднял руку, и тишина вернулась. Его лицо оставалось суровым, но в глазах горел холодный свет рассудка:

— Нордстар не боится ни юга, ни востока, ни запада. Мы примем южную свиту. Но каждый их шаг будет под стражей, каждый их вздох — под наблюдением. Если же они попытаются принести нам беду, то горы станут их могилой.

Факелы затрепетали, а за окнами завывала выюга, словно поддакивая решению князя. Совет завершился, но в сердцах многих осталась тревога: впервые за многие зимы Южное Пламя ступит в сердце Севера.

Когда совет разошёлся и зал опустел, в покоях князя было тише, чем в самой зимней степи. Лишь огонь в камине трещал, освещая резные балки потолка и меха, разложенные по креслам.

Деон снял с плеч тяжёлый плащ, устало опустился на лавку и, подперев голову рукой, долго молчал. Джослин, войдя в зал, принесла с собой запах травяного настоя и мягкость шагов, что всегда умели усмирить его суровое сердце.

— Сегодня снова говорили о браке Айлин, — сказал он глухо. — Каждый князь, каждый советник, каждый союзник тянет одеяло в свою сторону. Восток, Запад, теперь ещё и Юг.

Джослин поставила кувшин на стол, села напротив. Её взгляд был внимательным, спокойным, но в нём таилась печаль матери, которая видит, как судьба её ребёнка превращается в монету для чужих сделок.

— И кого же предпочитаешь ты, Деон? — тихо спросила она.

Князь провёл ладонью по лицу.

— Восточный принц. Он воин, уважаем своими людьми, силен духом. Союз с Восточным Альянсом укрепил бы наши границы. Я вижу в нём надёжность, и это для меня важнее всего.

Джослин качнула головой. В её глазах блеснуло несогласие.

— А я думаю о сердце нашей дочери. Западный принц... он иной. Мягче, мудрее, с душой купца и правителя, а не только воина. Я вижу в нём миротворца, того, кто умеет слушать и понимать. Мне кажется, рядом с ним Айлин не будет закована в цепи долга.

Деон усмехнулся, но в его голосе слышалась усталость:

— Миротворцы хороши до первого клинка у горла. На севере выживает только тот, кто готов держать меч.

— Но дочь наша — не меч, — возразила Джослин. — Она человек. Женщина. И её судьба — не только война, но и жизнь.

Между ними повисла тишина. За окнами завывала метель, словно сама природа спорила с ними. Деон вглядывался в огонь, а Джослин — в лица детей, что ждали будущего. Они оба знали: выбор будет сделан. Но чьё сердце перевесит — сурового князя или любящей матери — решит не только судьбу Айлин, но и судьбу всего Нордстара. Деон знал, что окончательное решение будет за его дочерью, лишь бы её сердце оттаяло при виде принцев. Айлин будет вести себя как неприступная стена, изведет своим молчанием любого, кого невзлюбит. Будет покрываться льдом, если выбор будет стоять за родителями. И поэтому князь решил, что выбор будет за ней.

Огни в камине лениво играли бликами по каменным стенам, в зале стоял аромат хвои и смолы. Джослин расчесывала длинные волосы Айлин, а Деон наливал себе тёмный медовый напиток, будто желая согреться не только телом, но и душой. В уголке, у шкуры белого медведя, уже вовсю возились Даррел и Деймон.

— Ты видел, как этот старик Арквен едва не упал, пока спорил на совете? — захохотал Даррел, перекатываясь по ковру. — Он всё про южан твердит, будто сам колдун их!

— Может, и колдун, — подхватил Деймон и театрально вытянул руки. — «Я — изгнанник из Южного Пламени, и я пришёл за твоей душой, Айлин!»

Айлин прыснула, но Джослин шикнула, лёгким ударом щётки по плечу сына вернув порядок.

— Хватит дразниться, — строго сказала она. — Такие вещи — не для смеха.

Даррел сел, поджав ноги, и нахмурился, стараясь быть серьёзным, словно отец:

— Но ведь правда? Говорят же, что с ними придёт изгнанник. Разве это не опасно?

Деон, до этого молчавший, поднял взгляд от кубка. Его голос прозвучал низко и твёрдо:

— Опасен не изгнанник. Опасно то, что он несёт. Если его изгнали из круга, значит, он знает то, чего не должны знать даже короли.

Деймон понизил голос до шёпота, будто рассказывая страшную сказку у костра:

— Может, он предсказание знает. То самое, о великой войне...

В комнате повисла тишина. Даже пламя будто стихло. Джослин положила ладонь на плечо Айлин, словно оберегая её от этих слов.

— Дети не должны жить в страхе, — сказала она мягко, но твёрдо. — Пусть пророчества и войны останутся в книгах и залах совета.

— Но мы не дети, — упрямо возразил Даррел. — Мы воины будущего. И если война придёт, мы станем на стены Айсена.

Деон улыбнулся впервые за вечер. В этой улыбке было и гордость, и горечь:

— Вот что значит кровь северян. Но помните: сила — это не только меч. Сила — это верность дому. А верность начинается здесь, у этого огня.

Айлин слушала и молчала. В её груди рождалась клятва — совсем иная, чем те, о которых говорили братья и родители. Она знала: когда наступит её час, её сила будет не в браке и не в войне. Её сила — в выборе собственной дороги.

И пусть утонет в своих глубоких водах западный принц, пусть исчезнет свита из восточного альянса в безграничном океане, пусть сгорит в своем Южном огне кочевник... и исчезнет колдун-изгнанник в своих пророчествах. Ей они были не нужны. И даже если ее отвергнет купец из Запада, она будет свободна и не обременена браком по расчету.

— Южный огонь отказался от визита к нам, — констатировал факт Деон. — Неужто хочет объявить войну?

Но его вопрос остался без ответа, когда те, кто находился рядом — его семья, не знала об истинных целях кочевников во главе с Аскаротом Мактаном.

Глава 3

Зимнее утро в Айсене было ясным, но холодным, как сталь. Небо чисто, снежный свет слепил глаза, и весь город собрался у ворот, чтобы встретить гостей. Мостовые были устланы свежей елью, по улицам развешаны флаги Нордстара — синие полотнища со звёздным знаком.

Первыми прибыла свита из Восточного Альянса. Колонна двигалась стройным строем: воины в длинных ламеллярных доспехах, на шлемах — гребни из конских волос, сверкающих в морозном солнце. На их знамёнах — золотые круги, символ вечного союза. Во главе ехал восточный принц — прямой, как копьё, взгляд суровый, словно он привык смотреть не на людей, а на врагов. Его воины держались в безупречном порядке, и в этом строе чувствовалась дисциплина целого народа.

Следом вступил народ Запада. Их прибытие было совсем иным — словно ветер с тёплых берегов ворвался в холодный Айсен. Музыканты били в барабаны и играли на трубах, кони были украшены яркими помпонами, а сами вельможи вели себя свободно, словно на празднике. В их глазах светился азарт и торговая смекалка, даже в торжественном шествии угадывалась лёгкость купеческой души. Западный принц, молодой и обаятельный, с улыбкой кивал толпе, и многие девушки в Айсене вздыхали, глядя на него.

А потом пришло Южное Пламя. Их свита двигалась медленно, будто сама земля не хотела отпускать их шаги. Плащи из чёрной шерсти, вышитые красными узорами, лица скрыты под капюшонами. Лошади их были гнедыми, с гривами, переплетёнными бусинами и костяными амулетами. Впереди несли высокий жезл с символом пламени, а за ним ехали колдуны — с тяжёлыми посохами, на которых горели угольки. И среди них был один, кто не поднимал глаз и ехал особняком. Его не называли по имени, но все знали — это изгнанник.

Толпа шепталась, одни крестились на северный манер, другие отворачивались. Казалось, сама тень вошла в Айсен вместе с южанами.

Князь Деон встретил всех у ворот. Его речь была краткой, но властной:

— Добро пожаловать в сердце Нордстара. Здесь каждый гость под защитой моей звезды. Но пусть каждый помнит... звезда сияет ярко лишь для тех, кто приходит с миром.

Толпа взревела, приветствуя союзников. Город наполнился жизнью: музыкой, торгами, звонким смехом и тяжёлым шёпотом, ибо все понимали — под сводами Айсена собрались силы, от которых зависит судьба материка.

И только Айлин, глядя с башни на пёстрое шествие, чувствовала, что для неё этот день — не праздник, а начало пути.

Айлин стояла у дверей зала, сжимая подол платья. Музыка и смех гостей доносились изнутри, но её сердце не находило радости. Она не хотела выходить, не хотела становиться частью игры, что заранее решила за неё судьба.

— Айлин, — раздался ровный, властный голос за её спиной. Она обернулась и увидела отца. — Почему стоишь здесь одна? Пир уже начался.

— Я... я не хочу, — призналась она, голос дрожал. — Всё это лишь форма, праздник для чужих глаз. Мне не хочется...

Деон подошёл ближе, не спеша. Его взгляд был суров, но не без тепла.

— Я знаю, что для тебя это тяжело, — сказал он тихо. — Но сегодня важнее не праздник, не музыка и не костюмы. Сегодня решается судьба твоего народа, Айлин. Каждый жест, каждый взгляд может укрепить союз или разрушить его.

— Но я не хочу быть игрушкой! — вспыхнула она. — Я не хочу выбирать между королевствами и войнами!

— Ты не игрушка, — уверенно сказал Деон. — Ты — княжна Айлин, и твой выбор важен, даже если сейчас кажется, что его нет. Но скрываться от мира тоже нельзя. Сегодня ты увидишь, кто есть кто. Сегодня ты поймёшь, кого можешь доверить своей судьбе.

Айлин молчала, ощущая тяжесть слов отца. Он сделал шаг назад, но голос его прозвучал твёрдо:

— Я не заставляю тебя любить этих людей. Я прошу лишь быть внимательной. Будь собой, но помни — каждый поступок княжны Айлин имеет последствия для всех северян.

Она глубоко вздохнула. Сердце стучало быстро, но теперь не только страхом, но и решимостью.

— Хорошо, отец... я выйду, — прошептала она.

Деон кивнул и положил руку ей на плечо.

— Помни, звезда Нордстара всегда светит для тех, кто стоит на своём пути.

Айлин сделала шаг к залу. Внутри было жарко и шумно, но её мысли уже летели далеко за стены Айсена — туда, где свобода и судьба ждут её собственного решения. Девушка стояла у края зала, внимательно наблюдая за происходящим. Восточные и Южные представители уже говорили со своими свитами, обсуждая планы и жесты, когда внимание Айлин привлекли Западные гости.

Смелость и открытость вызывали легкое напряжение у гостей Востока и Юга, которые привыкли к более строгим формам поведения. Несколько северян чуть напряглись, видя, как западные гости свободно разгуливают по залу, но сами северяне лишь наблюдали, не вмешиваясь.

Тем временем колдуны из Южного Пламени шли спокойно, словно скользя по залу. Их взгляды были сосредоточены, а движения точны и выверены. Среди них выделялся изгнанник, который держался в стороне. Он тихо наблюдал за всеми, не вступая в разговоры, но его присутствие ощущалось всем залом — будто он видел не только людей, но и скрытые намерения, и будущие события.

Несколько северян шептались между собой, обсуждая магов, но Айлин чувствовала, что никто не может предугадать, что именно принесёт этот день. Восточные воины держались сдержанно, западные улыбались и пытались разрядить атмосферу, а колдуны лишь тихо наблюдали, создавая почти ощутимый контраст.

Джослин подошла к дочери и сказала мягко:

— Видишь, как разные миры встречаются? Сегодня — наблюдение. Завтра — твой выбор. Но помни: твоё решение будет твоим, никто другой не вправе управлять твоей судьбой.

Айлин кивнула, ощущая смесь любопытства и тревоги. Она понимала, что впереди будут испытания, но сегодня её роль — лишь внимательный наблюдатель. Каждый взгляд, каждый жест гостей нес в себе предвестие будущих событий, и её сердце уже начало прислушиваться к этим невидимым нитям судьбы.

Айлин стояла у края зала, наблюдая за переплетением характеров гостей. Восточный принц обсуждал дела со своими советниками, западный смягчал напряжение шутками, колдуны из юга стояли в стороне.

— Вы... — начала тихо, подойдя к изгнаннику, но не успела договорить.

Изгнанник слегка повернул голову, но не сказал ни слова. Его взгляд был холодным, спокойным и внимательным, словно он видел не только этот зал, а целую цепь будущих событий. Ни одного намёка на вмешательство, ни одного слова, что могло бы повлиять на выбор Айлин или на ход праздника.

— Я лишь наблюдатель. — Сухо сказал он, перебив княжну.

Айлин почувствовала странное облегчение. Он не желает брака, не заставляет выбирать, не осуждает. Он просто наблюдает.

— Он не хочет... — прошептала Айлин, почти самой себе. — Не хочет этой свадьбы. А затем она стала наблюдать за ним.

Он выглядел так, будто принадлежал не этому залу — а самой ночи за окнами. Темные волосы, чуть растрепанные, падали на лоб мягкими волнами, и в тусклом янтарном свете свечей казались почти черными, с медным отблеском на кончиках. У него было лицо человека, который редко улыбается по-настоящему, но слишком хорошо знает, какое впечатление производит. Неестественно яркие, золотые, словно в радужке тлел огонь. Они смотрели лениво и спокойно, но от этого взгляда по коже пробежал холодок — будто он видел больше, чем должен был. Будто уже знал о ней что-то, чего она сама еще не понимала. Черты лица были резкими, почти хищными: прямой нос, темные густые брови, четко очерченные губы. Не юноша — мужчина. Тот возраст, когда красота становится опасной. В нем не было мягкости, только уверенность человека, привыкшего, что ему не отказывают. На его пальцах поблескивали кольца, а темный камзол с золотой вышивкой выглядел слишком дорогим даже для знати. Он сидел расслабленно, будто весь мир принадлежал ему, и именно это раздражало Айлин сильнее всего. И все же она не могла отвести взгляд.

Джослин, заметив взгляд дочери, подошла тихо:

— Правильно, милая. Иногда наблюдение сильнее любого вмешательства. Видишь характер, чувства и силу человека — и этого достаточно, чтобы понять, что важно.

Айлин вернулась к своему наблюдению: Восток, Запад и Южное Пламя. Каждый нес свою силу, свои интриги, но она оставалась свободной, оставаясь лишь зрителем. Изгнанник был лишь одним из множества взглядов, но его спокойное присутствие пробуждало в ней чувство, что этот вечер станет началом чего-то гораздо более важного, чем праздник или выбор жениха.

Зал продолжал пульсировать звуками музыки и шепотом гостей. Но за общим весельем начали проступать первые трещины.

Западные купцы двигались свободно, смеялись и громко обсуждали свои путешествия. Один из них, высокий юноша с красной лентой в волосах, задел локтем восточного вельможу, который вздохнул и чуть нахмурился:

— Осторожнее, — сказал вельможа, сдерживая раздражение. — Мы не на ярмарке.

— А мы и не на ярмарке, — ответил юноша с лентой, с лёгкой дерзостью в голосе. — Мы здесь в гостях, и нам дозволено смеяться.

Восточный принц, пытаясь сгладить конфликт, подошёл к ним:

— Пожалуйста, друзья, не портите праздник, — улыбнулся он, делая знак рукой. — Здесь мы все — гости северного дома.

Но купцы лишь усмехнулись, не скрывая вызова. Их смех был свободен, непокорен, и даже восточные воины, привыкшие к строгой дисциплине, слегка напряглись.

Тем временем, колдуны из Южного Пламени шли медленно, их взгляды метали тень по залу. Изгнанник стоял чуть в стороне, неподвижный. Он не вмешивался, но его присутствие создавало напряжение, словно невидимая нить соединяла его с каждым гостем. Северяне ощущали холодок, запад — тревогу.

Айлин наблюдала со своего места у края зала. Её глаза быстро перебегали от восточных до западных принцев, и, наконец, к колдунам. Она чувствовала, что каждое движение, каждая реакция гостей несёт значение, но она оставалась лишь зрителем, свободной и наблюдающей.

— Мама, — тихо сказала Айлин, слегка наклонившись к Джослин. — Они... все разные, но что-то связывает их.

— Связь силы и интересов, — ответила Джослин мягко. — Но твоя роль — видеть и понимать, а не вмешиваться.

Айлин кивнула. С каждой минутой напряжение в зале росло, словно тихая буря, готовая прорваться. И именно в этой буре взгляд изгнанника из Южного Пламени оставался спокойным, неподвижным, наблюдающим, но не вмешивающимся.

Она поняла, что этот вечер станет важным уроком: понимание, наблюдение и терпение порой сильнее любых решений и приказов. И именно в этих тёплых и холодных переплетениях её собственный путь начнёт обретать форму.

После первых волн официальных приветствий и обмена любезностями, Айлин отошла в угол зала, чтобы немного перевести дыхание. Её глаза по-прежнему наблюдали за гостями, изучая каждую реакцию и жест.

В этот момент к ней подбежали Даррел и Деймон, словно два урагана, пронесшиеся по залу.

— Смотри-ка, сестрица, — начал Даррел, делая театральный поклон, — у нас тут есть Восточный принц! Говорят, он такой суровый, что даже снежный медведь бы дрожал!

— А западный? — подхватил Деймон, показывая пальцем на принца, который смеялся и говорил с вельможами. — Он смешной и улыбается всем девушкам! Может, нам его подарить тебе?

Айлин лишь приподняла бровь, стараясь не смеяться.

— А кочевники Южного Огня? — не унимался Даррел, — Не пришли, черти! Так и хотят, чтоб весь материк пошел на них войной.

— Да, а колдуны из Южного Пламени? — добавил Деймон с хитрой улыбкой. — Тот в тени... Его взгляд словно читает мысли! Могу подслушать, если хочешь, — и оба засмеялись, представив, как изгнанник узнаёт все тайны Айлин.

Айлин, улыбаясь, подняла руку:

— Хватит, вы двое. Я не выбираю жениха.

— Ах, — сказал Даррел с притворным огорчением, — ну тогда нам придётся выбрать за тебя! — Он подмигнул Деймону, и оба снова рассмеялись.

— Но кто же станет моим «выбранным», — тихо произнесла Айлин, улыбаясь, — решать буду я сама, и никто больше.

Деймон кивнул, словно подтверждая тайное соглашение:

— Хорошо, сестрица, тогда мы просто будем шутить, а не решать судьбу.

Их смех затих среди шумного бала, но Айлин почувствовала тепло и поддержку семьи. Несмотря на напряжённость вечера, разнообразие гостей и будущие испытания, она знала: рядом с ней есть люди, способные сохранить лёгкость и радость даже среди политических интриг и магических тайн.

Айлин стояла у края зала, внимательно наблюдая за гостями. Музыка продолжала играть, но в воздухе чувствовалось напряжение: каждый визитёр нес с собой интересы своего народа.

— Миледи, — тихо прошептала Эмилия, подходя к ней, — будь осторожна. Гости наблюдают за каждым движением. Западные принцы любят лёгкость, а восточные — строгость. Южное Пламя... их магия скрыта в каждом жесте.

Айлин кивнула, улыбаясь служанке:

— Я просто наблюдаю, Эмилия. Никому не позволяю тронуть меня.

Между тем, гости начали обмениваться словами. Восточный принц кивнул одному из северян:

— Зима на Севере сурова, но вы встречаете гостей с теплотой. Это достойно уважения. Западный принц, оглядывая зал, сказал с лёгкой улыбкой:

— Прекрасный приём. Север умело сочетает строгость и гостеприимство.

Эмилия, чуть напрягшись, шепнула Айлин:

— Они все проверяют нас. Их слова не всегда просты. Каждое приветствие несёт посыл.

В этот момент Деон поднялся с высокого места у камина. Его голос, глубокий и властный, сразу заглушил шёпот гостей:

— Добро пожаловать в сердце Нордстара! — сказал он, глядя на всех присутствующих.

— Сегодня мы встречаем не только друзей, но и союзников. Пусть каждый здесь помнит: ува-

жение и честность — основа нашего дома. Север ценит силу, но превыше всего — верность и честь. Пусть этот вечер станет знаком того, что мы готовы к союзу, а не к ссоре.

Гости кивнули, некоторые слегка поклонились. Айлин отметила, что даже самые шумные западные гости прислушались к словам Деона. Волнение Эмилии чуть утихло — она видела, что князь держит ситуацию под контролем.

После речи Деона начались короткие, но важные диалоги:

— Как приятно видеть северные традиции! — сказал один западный вельможа, улыбаясь Айлин. — Ваши пиршества полны жизни.

— Мы рады, что вы прибыли в Айсен, — ответил Арквен, слегка кланяясь. — Надеемся на крепкие связи и взаимопонимание.

— Наши травы и знания помогут вашим лекарям, — добавил один из колдунов Южного Пламени, тихо, но уверенно.

Айлин стояла, наблюдая, как эти короткие диалоги постепенно связывают разные земли, создавая невидимые нити дипломатии. Она понимала: каждое слово, каждый кивок, каждое прикосновение — часть сложной игры, в которой её роль пока — только наблюдатель.

За окном ночь опустилась на Айсен. Метели постепенно стихали, но в сердце княжны ещё жила лёгкая тревога: мир был сложным, полным интриг, сил и тайн. И хотя она пока оставалась лишь наблюдателем, понимание устройства этого мира стало первым шагом на пути к собственной судьбе.

Солнце лишь слегка коснулось снежного леса своими первыми лучами, когда Айлин вышла за пределы замка. Ветер был свежий, ледяной, но мягкий, словно приветствовал её за смелость покинуть стены дворца.

Вдоль узкой тропы шагали восточный принц Александр Вейр и два сторожа: один шёл рядом с Айлин, крепкий и внимательный, другой — у Александра, наблюдая за каждым движением принца.

Он был красив так, что это почти вызывало раздражение. Айлин поняла это сразу же, едва подняла на него взгляд.

Высокий, с идеально прямой осанкой, он двигался с той ленивой уверенностью, которая бывает только у людей, выросших среди власти. Темные волосы мягкими волнами спадали на лоб, слегка закрывая глаза, и казались почти черными в теплом свете дворца. Несколько непослушных прядей делали его слишком живым для человека в такой безупречной форме. Его лицо было почти неправильным в своей красоте. Острые скулы, четкая линия челюсти, ровный нос и губы, на которых застыло что-то между насмешкой и скукой. Он выглядел так, будто давно привык к чужому восхищению и перестал его замечать.

Но сильнее всего Айлин зацепили глаза. Светлые, с тяжелым внимательным взглядом. Не мягкие и не добрые — опасные. Такие глаза бывают у людей, которые умеют улыбаться и одновременно оставаться совершенно безжалостными.

Темно-синий мундир с золотыми звездами сидел на нем идеально, подчеркивая широкие плечи и фигуру воина, а алая накидка за спиной делала его похожим не на человека, а на героя старых легенд, которых обычно рисуют на витражах храмов.

И Айлин неожиданно поймала себя на мысли, что никогда прежде не видела настолько красивого мужчину. Настолько красивого — и настолько тревожного одновременно.

— Север утренний совсем иной, чем я привык, — сказал Александр, глядя на покрытые инеем ветви. — Чистый, холодный, но с какой-то живой силой.

Айлин кивнула:

— Лес — один из немногих мест, где можно дышать свободно. Даже на севере есть уголки, куда не добирается шум города.

Сторож Айлин, мужчина средних лет с густой бородой, кивнул и добавил:

— Здесь мало людей. Лишь зверь и снег. Но в этом спокойствии — сила.

Александр улыбнулся:

— В моих землях леса не такие суровые. Зима мягче, солнце ближе к земле. Но я понимаю: сила северного леса — она в стойкости.

Айлин посмотрела на принца, её взгляд был спокойным, но внимательным:

— Вы понимаете, о чём я думаю? — тихо спросила она. — Люди видят только себя, свои цели, свои амбиции. А лес смотрит иначе. Он просто существует. И ты либо живёшь в его ритме, либо теряешься.

Александр слегка нахмурился, будто впервые слышал такую мысль:

— Я понимаю. На Востоке мы стараемся подчинять природу себе. А здесь она задаёт ритм. И жить в нём... непросто.

Айлин улыбнулась слегка:

— Именно поэтому северяне крепки. Мы учимся слушать лес, а не только людей.

Сторож Александра, посматривая на принца, тихо сказал:

— Милорд, княжна права. На севере человек должен быть внимательным, даже осторожным.

— Я вижу это, — сказал Александр, глядя на Айлин с лёгким интересом. — И думаю, что многое можно понять, просто гуляя и наблюдая.

Айлин слегка кивнула. Диалог был непринуждённым, но в каждом слове чувствовалась взаимная осторожность и уважение, как у двух людей, изучающих друг друга.

Лес окутывал их тишиной, лишь редкие трески веток под ногами нарушали спокойствие. Снежные птицы взлетали, оставляя за собой лёгкое серебристое сияние.

— Как вы находите Север, — тихо спросила Айлин, — несмотря на холод и строгость?

Александр задумался:

— Он строгий, но честный. Сильный, но справедливый. И, если смотреть внимательно, здесь можно многое понять о людях... и о себе.

Айлин кивнула, понимая: прогулка не просто развлечение. Это был первый урок дипломатии и наблюдения на природе, вне стен дворца.

Княжна и принц шли по лесной тропе, снег под ногами хрустел, а утреннее солнце бросало длинные тени на белый покров. Сторожа шли немного позади, внимательно следя за каждой веткой, за каждым шорохом.

Вдруг из-за сосны раздался резкий рык, и из тени на тропу вышел снежный волк, величественный и осторожный. Его глаза сверкали, а пушистая шерсть сливалась с белым снегом, делая зверя почти невидимым до последнего момента.

Сторож княжны замер, сжимая посох, но Айлин, словно почувствовав связь с лесом, сделала шаг вперёд:

— Спокойно... — тихо сказала она, — он нас не тронет, если мы не станем угрозой.

Александр нахмурился, слегка отступая:

— У нас в лесах таких не встретить.

Волк остановился в нескольких шагах, внимательно наблюдая за людьми. Его дыхание превращалось в пар, глаза не сводили взгляда с Айлин, словно он оценивал её решимость.

— Он чувствует твой дух, — шепнул сторож Александру. — Осторожность и уважение.

Айлин медленно опустила руку, словно приглашая зверя к миру:

— Всё живое здесь — часть леса. Мы не враги.

На мгновение волк замер, затем повернулся и тихо исчез в лесной тени, оставляя после себя лишь лёгкий след на снегу.

Александр выдохнул, и на его лице мелькнула улыбка:

— Впечатляет. У вас на Севере не только сильные люди, но и звери проверяют характер.

— И мы должны быть готовы слушать их, — ответила Айлин, глядя вслед волку. — Лес учит не страху, а внимательности.

Сторожа тихо переглянулись, понимая, что момент был испытанием не только для принца, но и для княжны.

— Вы понимаете теперь, — сказала Айлин, обращаясь к Александру, — почему северяне ценят силу и рассудительность. Даже зверь может сказать больше, чем тысячи слов.

Александр кивнул, слегка задумавшись:

— Я начинаю понимать... Север — суров, но справедлив. И учит вниманию, терпению и силе характера.

Снег вокруг них снова хрустел под ногами, а лес погрузился в утреннюю тишину. Но в сердцах обоих осталась лёгкая дрожь — впечатление от встречи, которое они запомнят надолго.

После ухода волка лес снова погрузился в тишину. Снег хрустел под ногами, а утреннее солнце пробивалось сквозь ветви, рисуя на белом покрывале причудливые узоры. Айлин шла чуть впереди, Александр — рядом, и лишь сторожа замедляли шаг позади.

— У вас на Севере — настоящие испытания, — тихо сказал Александр, оглядываясь на княжну. — И люди, и природа проверяют характер.

Айлин кивнула:

— Да. С детства нас учат быть внимательными и осторожными. Но больше всего учат — быть честными перед собой. Даже если весь мир требует другого.

Сторожа шли сзади, предоставляя им пространство. Лес наполнился тихим дыханием ветра и треском снега под ногами. В этот момент оба поняли: прогулка стала не просто испытанием на дипломатичность, но и первым искренним диалогом двух людей, каждый из которых нес тяжесть своих обязанностей.

— Может быть, — сказала Айлин, глядя вдаль, — свобода — это не просто выбор пути. Может быть, это способность видеть мир, даже если он сложен и суров.

Александр улыбнулся, чувствуя, что слова княжны не пусты:

— Тогда, возможно, мы оба ищем одно и то же, но разными способами.

Снег хрустел под ногами, а лес, казалось, слушал их слова, храня их в тишине утреннего света.

Комната князя Деона была просторной и суровой. Каменные стены украшали щиты и мечи предков, а на полках стояли статуэтки северных богов и кристаллы льда из шахт Айсена. На полу лежали тяжелые меховые ковры, по которым хрустел снег, приносясь с улицы. Камин горел ровным пламенем, отражаясь в глазах князя, сидящего за массивным дубовым столом.

Деон был одет в традиционный северный кафтан из тяжёлого синего сукна, расшитый серебряной нитью, с меховой опушкой на плечах. На руках — кожаные браслеты, украшенные резными символами Нордстара, символизирующими род и долг.

Айлин стояла напротив, в тяжёлом меховом плаще с капюшоном, под которым угадывались тонкие, но решительные черты лица.

— Айлин, — начал Деон, держа взгляд на дочери, — ты знаешь, зачем мы собрались. Восточный принц — надёжный союзник, сильный воин. Союз с ним укрепит северные границы. Я даю тебе право выбора, но помни: он — лучший вариант для Севера.

Айлин не отводила взгляда.

— Отец, я понимаю важность союза, но прошу время. Я мало знаю о западной свите, и о... изгнаннике. Прежде чем принимать решение, хочу встретиться с ними.

Деон нахмурился, опершись на стол:

— Время есть, но оно ограничено. Восточный принц ждёт встречи и проявляет терпение. Это не игра.

— Я понимаю, — тихо сказала Айлин, — но отказ Южного Огня показал: дипломатия не будет простой. Мы рискуем войной. Мне нужно понять всех участников, чтобы решение было верным.

Деон замолчал, наблюдая за дочерью. В его глазах читалась суровая забота: понимание её свободы, но и тревога за Север.

— Хорошо, — наконец сказал он, — организуем встречи. Западная свита, изгнанник... Но помни, Айлин: восточный принц — не просто выбор сердца. Это выбор Севера.

Айлин кивнула, сжимая руки в меховых перчатках:

— Я прошу ещё немного времени. Должна увидеть, понять, услышать.

Деон вздохнул, затем тяжело кивнул:

— Пусть будет так. Но каждый день на счету. Помни о долге перед народом.

Комната снова погрузилась в тихое потрескивание камина. Внешний холод северной зимы почти не ощущался внутри, но напряжение и ответственность висели в воздухе, словно невидимые льдины. Айлин почувствовала, что сделала первый шаг к своему выбору — не спеша, но решительно.

Глава 4

Зал дворца сиял свечами и серебряными браслетами факелов, в воздухе витали запахи жареного мяса, пряностей и смолы от хвойных гирлянд. Музыканты уже сменили суровые воинственные напевы на лёгкие мелодии, и тёплый свет разливался по мраморному полу, словно сам вечер хотел растопить ледяное сердце Айсена.

— Да если бы не ваша река, чем бы славился ваш гребаный Запад? — Возмущался вельможа. — Только и кичитесь тем, что река по вашей границе проходит.

— Если бы не река, которую, между прочим, зовут Обькан, мы не пришли бы к мирным соглашениям триста двадцать семь лет назад. — Парировал западный купец.

— Да плевать все хотели на мирные соглашения, Эрмин, всем плевать.

Айлин, сидевшая рядом с матерью, устало слушала речи придворных, когда шум в зале изменился. Западная свита вступила последней в пиршественный зал — пёстрая, живая, словно весенний ветер ворвался в зимнее царство.

Во главе их шёл Лиам Хард. Его походка не была строгой, как у восточного принца, и не властной, как у воинов Севера. Он двигался легко, улыбка не сходила с его лица, а в глазах светился азарт. Шёл он не как человек, что ищет союз ради власти, а как тот, кто ищет новые земли ради приключений.

Лиам поклонился князю и княгине, но его взгляд сразу нашёл Айлин. Он задержался на ней лишь мгновение, но этого хватило, чтобы кровь прилила к её щекам.

— Княжна Айлин, — произнёс он, подходя ближе. Голос его был мягок, но в нём звенела уверенность. — Запад приветствует Север в лице самого прекрасного его сокровища.

С этими словами он коснулся её руки — не по строгому обычаю, а так, как делали только западники: легко, как если бы это был тайный знак. Айлин почувствовала, как сердце её стукнуло сильнее.

Он выглядел как человек, с которым нельзя связываться — и именно поэтому от него невозможно было отвести взгляд.

Светлые волосы были растрепаны так, будто он только что вышел из драки или долгой бессонной ночи. Пепельно-русые пряди падали на глаза, подсвеченные холодным светом свечей, и делали его одновременно опасным и пугающе красивым. Его лицо было слишком правильным для такого расслабленного образа: острые скулы, четкая линия челюсти, чуть приоткрытые губы и взгляд человека, который привык смотреть сверху вниз даже сидя. Он держался расслабленно, почти лениво, но в этой расслабленности чувствовалась сила. Как у зверя, который прекрасно знает, что ему не нужно никому ничего доказывать.

— Лиам Хард из Мургульской династии, — представил его купец, но западный принц сам перебил, слегка усмехнувшись.

— Лиам — и этого достаточно.

Толпа загудела, кто-то фыркнул от дерзости, но Лиам, казалось, не замечал. Он сел рядом с Айлин, и в его глазах плясал огонь, которому чужда была северная сдержанность.

— Я слышал, на Севере зима никогда не кончается, — сказал он вполголоса, обращаясь только к ней. — Но, глядя на тебя, я понимаю — здесь живёт весна.

Айлин отвернулась, пряча улыбку. В её ушах звучали строгие слова отца о долге и холодные рассуждения восточного принца, но рядом с Лиамом всё это таяло, как снег под солнцем. И она почувствовала, что её мечта о свободе и побеге ещё не умерла.

Пир в зале длился долго, Айлин чувствовала усталость от громких голосов, тостов и нескончаемых речей. Ей казалось, что каменные стены давят, а лица гостей сливаются в один шумный поток. Она украдкой поднялась со своего места и вышла в тёмный коридор, ведущий к внутреннему двору дворца.

Снег там лежал чистым ковром, освещённый светом факелов и тусклой луной. Ветер трепал ветви сосен, и воздух был холоден, но свеж — совсем иной, чем тяжёлый жар пиршественного зала.

— Тоже решила сбежать? — раздался за спиной знакомый голос.

Айлин вздрогнула и обернулась. Лиам стоял в тени арки, его плащ был небрежно накинут на плечо, волосы растрепаны ветром. Он улыбался так, будто весь этот вечер был их маленькой тайной.

— Я не сбегаю, — ответила она, стараясь говорить строго. — Просто воздух нужен.

— Конечно, — легко согласился он и сделал шаг вперёд. — Иногда стены севера крепче цепей. Даже мне стало тяжело дышать в этом зале.

Он пошёл рядом с ней по снежной дорожке. Его шаги были лёгкими, но в каждом движении ощущалась уверенность, будто он привык идти по любым дорогам, не задумываясь, куда они приведут.

— Твой отец — человек силы, — сказал Лиам, глядя на башни Айсена. — Восточный принц — человек долга. Но что нужно тебе, Айлин? — он повернулся к ней, и его взгляд был пронзительным, честным.

Она опустила глаза. В её груди поднялась буря, но слова застревали на губах.

— Мне... — начала она, но замолчала.

— Тебе нужна свобода, — тихо произнёс он, словно вырвал у неё эту мысль прямо из сердца. — Я видел это ещё за столом. Ты сидела среди них, как птица среди клеток.

Айлин сжала пальцы. Её дыхание вырвалось белым облачком в морозном воздухе.

— Ты ничего обо мне не знаешь, Лиам.

— Может, и так, — он усмехнулся. — Но я знаю этот взгляд. Я видел его у моряков, что сбегают в открытое море. У воинов, что бросают знамёна ради своей мечты. У меня самого. — Он остановился, посмотрел на неё серьёзнее, чем когда-либо за этот вечер. — Если ты когда-нибудь решишь идти своей дорогой, знай: Запад умеет хранить тайны. И умеет помогать тем, кто решается на шаг.

Айлин замерла. В её сердце вспыхнула надежда, но вместе с ней — страх. Снег под ногами скрипел громче, чем её голос, и лишь луна была свидетелем этой странной клятвы, которую Лиам будто давал без слов.

Княжна возвращалась по длинному коридору дворца. Каменные стены казались выше, чем обычно, шаги отдавались гулким эхом, словно она шла не домой, а в сердце гор. Она спешила, но где-то глубоко в груди жила странная тревога, будто кто-то наблюдает.

У дверей, ведущих к её покоям, факелы горели особенно тускло. И именно там, в полумраке, она увидела его. Человек в чёрном плаще стоял неподвижно, будто выточенный из камня. Лицо скрывал капюшон, и лишь тонкая полоса света освещала его губы. Айлин замерла, сердце её забилося так, словно она стояла перед призраком.

— Княжна, — голос был низкий, хриловатый, словно ветер, прорывающийся сквозь трещины в горах. — Не бойся. Я не враг.

Она сделала шаг назад, но слова его заставили остановиться. В них не было угрозы, но и тепла тоже. Только тяжесть знания.

— Ты... из свиты Южного Пламени? — спросила она осторожно.

Молчание. Потом — короткий кивок.

— Изгнанник, — вырвалось у неё.

Он поднял голову, и в полумраке блеснули глаза. Не огнём, не пламенем, но каким-то странным холодным светом, что пробирал до костей.

— Так они меня называют, — сказал он тихо. — Но изгнанный — не значит сломленный.

Айлин почувствовала, как её пальцы дрожат. И всё же любопытство, сильнее страха, вырвало из неё слова:

— Почему ты здесь, в Айсене?

Он приблизился на шаг, и тени словно сомкнулись вокруг них.

— Потому что твоя судьба связана с моей. Потому что Северу уготовано больше, чем свадьба и союз. И потому что однажды ты сама придёшь за ответами — туда, где начинается Пламя.

Айлин хотела возразить, спросить, крикнуть, но голос её застрял. Изгнанник, словно почувствовав это, склонил голову набок, и на его губах мелькнула тень улыбки.

— Не бойся своих мыслей, княжна. Бойся тех, кто захочет их украсть.

С этими словами он исчез в тени, будто и не было его вовсе. Лишь холодный сквозняк прошёл по коридору, заставив факелы дрожать.

Айлин долго стояла, не в силах двинуться. Слова изгнанника эхом били в её сердце: *«твоя судьба связана с моей»*.

Глава 5

Ночь в Айсене была тиха. Снег ложился мягким покрывалом на крыши и башни, но во дворце покой был лишь видимостью. По коридорам шептались шаги, и одна из теней принадлежала Эмилии — молодой служанке княжны. Она остановилась у массивных дверей, ведущих в покои князя. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, его услышит вся стража. Но она подняла руку и трижды постучала.

— Войди, — раздался низкий голос Деона.

Эмилия вошла. В зале было темно, лишь огонь в камине отражался в тяжёлых сводах. Князь сидел за длинным столом, опершись на руку, а рядом, укутанная в меха, дремала Джослин. При виде служанки она открыла глаза, настороженно посмотрела на неё.

— Говори, — коротко сказал Деон.

Эмилия опустила на колени, руки дрожали.

— Господин... госпожа... — начала она и сглотнула. — Я должна сказать вам правду. Княжна Айлин... она думает о побеге. Она не хочет брака. Она говорит о дороге, о свободе...

Тишина в комнате стала тяжелее камня. Джослин резко выпрямилась, её взгляд метнулся к мужу.

— Что? — её голос сорвался шёпотом. — Эмилия, ты уверена?

Служанка кивнула, не поднимая глаз:

— Я слышала сама... она говорила мне. Я пыталась её остановить, но... княжна решила иначе.

Деон поднялся медленно, но от этого движения зал будто содрогнулся. Его тень на стене показалась выше и страшнее, чем сами башни Айсена.

— Моя дочь... — голос его был хриплым, но в нём звучала сталь. — Моя кровь, моя надежда, княжна Севера — хочет бежать, как трусиха?

— Деон! — вмешалась Джослин, в её голосе звучала боль. — Она ещё юна. Её сердце путает дороги...

— Сердце, — прорычал князь. — Сердце делает слабым. А Север не знает слабости.

Эмилия сжалась, готовая к любому гневу, но князь не посмотрел на неё. Его глаза горели, устремлённые в пламя камина.

— Если Айлин выбрала дорогу побега, — произнёс он медленно, — значит, мы должны быть на шаг впереди.

Он обернулся к Джослин, и в его голосе звучал уже не гнев, а ледяное решение:

— Завтра я объявлю пир ещё более торжественный, чем планировалось. Пусть она сама увидит, что путь уже предreshён. Восток или Запад, но выбора у неё нет.

Эмилия подняла голову, сердце её сжалось. Она знала, что предала доверие госпожи. Но внутри у неё теплилась мысль: может быть, так она спасёт Айлин от безрассудства...

Утро встретило Айлин холодным светом, что проникал сквозь узкие окна её покоев. Снежные вихри танцевали за стеклом, а в сердце княжны тревога росла, будто сама буря перекочевала внутрь неё.

Она сидела у зеркала, когда Эмилия тихо заплетала её волосы. Руки служанки были привычно ловкими, но сегодня в их движениях чувствовалась какая-то напряжённость. Айлин заметила, как подрагивают пальцы подруги, но промолчала.

— Скажи, Эмилия, — вдруг тихо произнесла княжна, глядя на своё отражение. — Ты веришь, что человек может сам выбирать свой путь?

Служанка отвела взгляд, и её голос прозвучал сдержанно:

— Иногда путь уже проложен звёздами, госпожа. А мы... лишь идём по нему.

Айлин нахмурилась. Её сердце подсказало, что за этими словами скрыто больше, чем простая осторожность. Но прежде, чем она успела спросить, двери распахнулись.

В покои вошёл Деон. Его шаги были тяжёлыми, взгляд твёрдым, как ледяная сталь. Джослин шла за ним — бледная, в меховом плаще, словно сама ночь ещё не отпустила её.

— Дочь моя, — произнёс князь, и голос его был громким, властным. — Сегодня великий день. Сегодня весь Айсен увидит, что Нордстар выбирает себе союзника. Я хочу, чтобы ты была готова встретить гостей достойно.

Айлин поднялась. На миг ей показалось, что дыхание в комнате стало короче.

— Отец... — начала она, но слова застряли. Она чувствовала, что спорить сейчас — всё равно что бросить вызов буре.

Джослин подошла ближе, коснулась руки дочери. Её глаза были мягче, но в них скрывалась тревога.

— Послушай его, Айлин, — прошептала она. — Но помни: ни один пир не длится вечно.

Эти слова матери будто согрели её, но в груди всё же оставалась тяжесть. Айлин знала: петля вокруг её свободы затягивается. Каждый шаг, каждое слово приближали её к решению, от которого уже не будет возврата.

И где-то глубоко внутри она чувствовала: эта зима станет иной, чем все остальные.

Великий пир в Айсене растянулся на всю северную ночь. Зал, обитый резным деревом и украшенный знаменами Нордстара, сиял в свете сотен факелов и серебряных светильников. В воздухе стоял аромат жареного мяса, пряного вина и хвойных ветвей, которыми украсили колонны. За длинными столами сидели послы из Восточного Альянса, военные из Запада, колдуны из Южного Пламени и северные старейшины. Все взгляды сходились на возвышении, где восседал князь Деон с семьёй.

К вечеру Айсен сиял так ярко, будто сам Север решил зажечь звёзды на земле. Снег искрился под светом факелов, ветер трепал синие знамена Нордстара, а из дворца доносились музыка, смех и звон кубков. Сегодня в чертогах Дома Крассеров собиралась почти вся северная знать. Праздник выбора будущего супруга Айлин стал событием, о котором уже шептался весь материк. Но для Севера этот вечер значил куда больше, чем просто брак княжны. Это была встреча старых родов Нордстара.

Великий зал наполнялся людьми постепенно. Северяне входили уверенно, без показной роскоши, но в каждом движении чувствовалась сила людей, привыкших выживать среди вечной зимы.

Айлин стояла возле матери, наблюдая за прибывающими родственниками.

— Леди Амелия Фран и лорд Барест Фран, хранители Арклайна! — громко объявил Арквен.

В зал вошла высокая женщина с холодной северной красотой. В её темных волосах уже серебрилась седина, а серые глаза были почти такими же суровыми, как у Деона. Рядом шагал Барест Фран — массивный мужчина в тяжелом темном мехе. Его лицо казалось высеченным из камня.

— Деон, — Барест коротко склонил голову. — Айсен всё ещё держится крепче любой крепости материка.

— Потому что Север не падает, — спокойно ответил Деон.

Амелия подошла к Айлин и внимательно посмотрела на неё.

— Ты стала совсем взрослой.

— Тётя Амелия, — Айлин мягко улыбнулась.

— Не улыбайся так всем этим принцам, — тихо сказала Амелия. — Мужчины любят принимать чужую доброту за слабость.

— А ты всё так же пугаешь детей. — Джослин тихо усмехнулась.

— Север выживает не благодаря доброте.

Следом за родителями вошли их сыновья. Кай Фран держался почти по-военному прямо. Высокий, серьёзный, в тёмно-синем северном мундире. В нём уже чувствовался будущий хранитель Арклайна. Энберт, напротив, выглядел спокойнее. Его взгляд постоянно скользил по залу, будто он изучал людей, а не участвовал в празднике.

— Айлин, — Кай коротко поклонился. — Ты выглядишь достойно будущей королевы.

— Какой именно? — тут же усмехнулся Деймон, появляясь рядом.

— Не начинай. — Даррел закатил глаза.

— А что? Мне интересно. Восток? Запад? Или, может быть, колдуну из Южного Пламени тоже разрешат участвовать?

— Деймон, — строго произнесла Джослин.

Но Энберт неожиданно сказал:

— Иногда самые опасные люди — не те, кого называют чудовищами.

На секунду между ними повисла тишина.

— Ты опять читаешь слишком много древних хроник, — усмехнулся Кай.

— А ты слишком мало.

— Наконец-то хоть кто-то спорит не со мной. — Даррел рассмеялся.

В этот момент двери вновь открылись.

— Леди Эвелин Мидранг, лорд Гарольд Мидранг и их дети!

Эвелин оказалась полной противоположностью Амелии. Более мягкая, теплая, с доброй улыбкой. Она сразу обняла Айлин.

— Моя маленькая звезда... Посмотри на себя.

— Тётя, — Айлин тихо засмеялась.

Рядом стоял Гарольд Мидранг — крепкий мужчина с тяжелыми плечами воина и внимательным взглядом человека, привыкшего жить у ледяных границ. А затем в зал вошёл Килиан. И даже музыка будто стала тише. Высокий. Уверенный. С тёмными волосами и лёгкой усмешкой человека, который прекрасно знает, какое впечатление производит. На плечах — меховой плащ, на поясе — кинжал северной работы.

— Килиан, — Деймон сразу ухмыльнулся. — Сколько девушек ты успел разбить по дороге в Айсен?

— Меньше, чем ты, — спокойно ответил тот.

Даррел фыркнул:

— Ложь.

Килиан подошёл к Айлин и легко коснулся её руки губами.

— Ты выглядишь так, будто готовишься не к празднику, а к войне.

— Возможно, это одно и то же.

— Вот поэтому я люблю Север, — усмехнулся Килиан.

Позади него стояла Афелия — спокойная и тихая девушка с внимательным взглядом.

— Не слушай моего брата, — сказала она Айлин. — Он считает себя самым обаятельным мужчиной материка.

— А разве это не правда? — лениво бросил Килиан.

— Нет, — одновременно ответили Даррел и Деймон.

Все рассмеялись. Даже Деон едва заметно улыбнулся.

И Айлин вдруг почувствовала то странное тепло, которое всегда появлялось рядом с семьёй. Несмотря на политические игры, принцев, угрозу войны и взгляды всего материка — здесь она всё ещё была просто Айлин.

Музыканты выводили бодрые мелодии, кубки звенели, смех и речи смешивались в гул, но в сердце Айлин всё это казалось пустым. Каждый шаг этого праздника подводил её к той черте, которую она давно решила переступить.

Когда кубки наполнили в третий раз, князь Деон поднялся. Его голос, властный и суровый, перекрыл гул толпы:

— В эту ночь Север решает судьбу, — произнёс он. — В эту ночь моя дочь, княжна Айлин, назовёт имя того, с кем свяжет наш род, и судьбы народов будут переплетены.

Гул стих. Глаза сотен людей, полные ожидания, устремились на девушку. Айлин почувствовала, как кровь застучала в висках. В этот миг она вспомнила слова Эмилии, тревогу в глазах матери, и — холодное решение отца. Но внутри её жила иная сила, упрямая, как буря над горами.

Она поднялась. Её платье, отороченное мехом, мерцало в свете факелов, и вся зала затихла, ожидая выбора.

— Я благодарна вам, — начала она, голос её был чист и звонок, хотя руки дрожали. — Я вижу предо мной союзников, друзей, гордые народы. Но... — она сделала шаг вперёд, её взгляд обошёл весь зал, — мой выбор уже сделан.

Толпа зашептала, словно ветер прошёл по залу. Деон нахмурился, глаза его сверкнули.

— И мой выбор — никто, — произнесла Айлин. — Я не выйду замуж ни за принца Востока, ни за воина Запада, ни за посланника Пламени. Моё сердце принадлежит дороге, а не трону.

Зал взорвался криками. Одни вставали со своих мест, другие стучали кулаками по столам, кто-то смеялся, кто-то ругался. Восточный принц побледнел, Лиам Хард вскочил, сжав кулаки. Деон же встал медленно, и этот жест казался страшнее любого крика.

— Довольно, — прорычал он. — Уведи её!

Айлин, не дождавшись приказов стражи, сорвалась с места и бросилась прочь. Подол её платья скользил по каменному полу, сердце билось, словно хотело вырваться. Она мчалась через коридоры дворца, прочь от гула, прочь от гневных взглядов, туда, где можно будет отдышаться.

Но, вбежав в свои покои, она не успела закрыть дверь. Чьи-то сильные руки из темноты схватили её, зажали рот.

— Тише, княжна, — прошипел чужой голос, низкий и чужой.

Айлин забилась, но хватка была железной. Её руки скрутили, и ткань платья трещала под грубыми пальцами. Она попыталась крикнуть, но рот был зажат.

Коридоры промелькнули в полумраке, затем — холод каменных ступеней, ведущих вниз. Её тащили в подземелья, туда, где воздух был сыр, где каменные стены покрывала плесень.

Дверь скрипнула, и её втокнули в тесную камеру. Айлин упала на каменный пол, руки её дрожали. Дверь с грохотом захлопнулась, железные засовы лязгнули. Она осталась одна. Только капли воды, падающие с потолка, и её собственное тяжёлое дыхание наполняли темницу.

Айлин прижалась к стене, сердце билось, как загнанный зверь. Она не знала, кто именно приказал её заточить — отец ли, предатели ли из числа гостей, или кто-то ещё. Но знала одно: теперь её путь к свободе стал ещё опаснее. А после она отключилась от сильного удара по голове.

Сырость висела в воздухе, словно сама тьма пропиталась влагой. Каменные стены были мокрыми на ощупь, и каждый вдох отдавался во рту горечью ржавчины и плесени. Айлин сидела, прижав колени к груди, и впервые за всю жизнь почувствовала себя по-настоящему одинокой.

Только что ещё — свет, музыка, пир, смех, огонь факелов. И вот — тьма, холод, капли, падающие с потолка в вечном ритме, как удары невидимого колокола.

Она не знала, сколько прошло времени. Час? Два? День? Месяц? Тьма в подземельях была одинаковой, вечной. Лишь её мысли не знали покоя. *«Они заперли меня, как преступницу. Отец ли это сделал? Или чья-то тень из гостей? Почему так легко было сорвать мою свободу?»*

Тишину вдруг нарушил хриплый смех. Низкий, обожжённый временем и горечью.

— Не думал, что княжны бывают такими смелыми, — сказал голос из-за стены.

Айлин вздрогнула. Её глаза, привыкшие к темноте, различили решётку в соседней камере. Там, в тени, сидел человек. Его силуэт был широкоплечим, волосы падали тяжёлыми прядями на лицо. Но главное — в его глазах горели золотые искры, словно в темноте таился тлеющий уголь.

— Кто ты? — шёпотом спросила Айлин, не веря своим ушам.

— Всего лишь изгнанник, — ответил он. — Когда-то был магом. Южное Пламя воспитало меня, а потом отвергло за правду, которая им не по нутру. С тех пор я гнию в чужих темницах.

Айлин придвинулась ближе к стене. Его голос был странно завораживающим — суровый, но в нём слышалась свобода, какая-то непокорность.

— Ты... колдун? — её голос дрогнул.

— Был им, — усмехнулся мужчина. — Но пламя в крови не гаснет. Пусть даже маги круга отвернулись, огонь не забывает своих детей.

Он наклонился ближе к решётке, и Айлин увидела его лицо — суровое, с тонким шрамом через висок. Взгляд его был тяжёлым, но не враждебным.

— А ты, княжна, — продолжил он тихо, — зачем оказалась здесь? Твоё место наверху, среди пиров и клятв.

Айлин отвела взгляд. Стыд и гордость боролись в её сердце.

— Я отказалась. Я не хочу быть рабом в игре отца и чужих королей. Я хочу свободы. Но за неё меня бросили в цепи.

Колдун тихо усмехнулся, и его голос зазвучал, как шёпот углей:

— Свобода всегда стоит дороже всего. Даже дороже жизни. Но знаешь ли ты, княжна, что в темницах часто встречаются те, кто действительно может помочь её обрести?

Айлин снова посмотрела на него. В его глазах горел огонь, и она почувствовала, что в этой тьме есть не только холод, но и тепло — странное, опасное, но живое.

Тьма снова накрыла темницу, но голос соседа по камере разжёл в ней искры любопытства. Айлин сидела ближе к стене, ловя каждое его слово.

— Ты сказала, что они собирались породниться с тобой, княжна, — заговорил колдун глухо, — но ты не понимаешь: выбор жениха — лишь часть великой игры. Не о свадьбах и союзах речь. Всё куда больше.

Айлин нахмурилась, прижавшись к холодному камню.

— О чём ты говоришь?

Тот на миг замолчал, а затем заговорил, словно шептал заклятие:

— Есть пророчество. Древнее, как горы, и страшное, как пламя, что пожирает миры. Тысячелетия назад маги Южного Пламени записали слова, услышанные в трансе от самого Ока Огня. Они говорили: «Придёт время, когда материк дрогнет. Север окутает стужа, Запад утонет в крови, Восток поднимет меч ради мира, а Юг вспыхнет огнём, что сожжёт самого себя. Тогда сойдутся армии, и земля будет стонать от их шагов. Тогда не будет царей и князей, лишь пепел и лёд.»

Айлин слушала, затаив дыхание. Слова звучали так, будто их приносил не человек, а сама тьма подземелий.

— Но зачем тогда... — её голос сорвался. — Зачем собрались гости в Айсене?

Колдун усмехнулся — тихо, безрадостно.

— Потому что каждый из правителей верит: именно его народ сможет переломить судьбу. Каждый хочет союза, чтобы укрепить свою силу, чтобы встретить бурю не в одиночку. Они строят браки, клятвы и союзы, думая, что перехитрят пророчество. Но... — он понизил голос, и в нём послышалось странное торжество, — огонь предсказаний не обманешь. Война уже идёт, только вы её ещё не видите.

Айлин сжала пальцы. В её сердце поднимался страх, но вместе с ним и странная решимость.

— А ты... — прошептала она, — почему ты здесь, в темнице?

Его глаза на миг сверкнули красным в темноте.

— Потому что я сказал магам правду. Что никакой союз, никакой брак не остановит предсказанное. Что их величие — дым, который ветер войны развеет. За это меня изгнали. А теперь держат здесь, как опасное оружие, что нельзя сломать, но можно спрятать.

Его слова затихли, и тишина вернулась в камеру. Только капли воды и гул сердца Айлин отзывались эхом.

Впервые в жизни она почувствовала, что её мир — северные холмы, дворец, пиры и игры браков — лишь малая часть чего-то страшного и огромного.

После слов о пророчестве тьма снова сомкнулась над камерами. Казалось, сама темница вздохнула и поглотила их обоих. Мужчина замолк, и Айлин ждала, что он продолжит, но минута тянулась за минутой, и лишь капли воды нарушали тишину.

Она сидела, прижавшись к камню, и чувствовала, как страх медленно превращается в скуку. Тьма была тяжела, как покрывало, а молчание соседа — будто ледяная стена.

— Ты спишь? — спросила она вполголоса.

Никакого ответа.

— Скажи хоть что-нибудь, — снова попыталась она. — Мне... мне страшно здесь одной.

Тишина. Только её собственное дыхание отзывалось эхом. Она подтянула колени, уткнулась в них подбородком. Голова её кружилась от усталости и тревоги. Слова сами слетали с губ, без обдумывания.

— Ты всегда был колдуном? Или когда-то был обычным человеком?

— Ты давно здесь сидишь?

— У тебя есть семья?

Ответа не было. Лишь тьма и сырость. Айлин вздохнула и уже почти сдалась, когда вдруг, почти как треск углей в камине, раздался хриплый голос:

— Хватит.

Она вздрогнула и вскинула голову.

— Хватит задавать вопросы, на которые нет ответов, — продолжил он. Голос его был резким, отстранённым. — Иногда молчание — лучшее, что остаётся человеку.

Айлин нахмурилась. И всё же упрямство её не оставило.

— Но хотя бы имя скажи, — выдохнула она. — Я же не могу разговаривать с тенью.

На миг снова воцарилась тишина. И лишь потом, словно нехотя, он бросил коротко:

— Норвуд.

Имя повисло в темнице, гулко отразившись от камня.

Айлин повторила его про себя, будто пробуя вкус нового слова: Норвуд. Она не знала, кто он такой и какую судьбу носит за плечами. Но теперь тьма казалась не такой глухой. У тени за решёткой появилось лицо, хотя бы в её воображении.

Айлин не знала, сколько времени прошло, когда тишину темницы вдруг разорвал грохот шагов и крики. По коридору неслись голоса, звон железа, словно сама темница взбунтовалась против своих узников.

— Что это? — шепнула она, прижимаясь к стене.

Норвуд поднял голову, его глаза в темноте вспыхнули тревожным светом. Но ответить он не успел.

Железные засовы на двери её камеры заскрежетали, кто-то дёрнул за них с силой, и дверь распахнулась. В проёме мелькнула фигура в плаще. Лицо скрывал капюшон, лишь руки были видны — сильные, в шрамах.

— Живо! — коротко бросил незнакомец.

Айлин не успела спросить, кто он. Её подняли, вывели в коридор. За соседней дверью тоже загремели засовы, и вышел Норвуд — сутулый, но шаг его был уверенным, будто он не первый раз выходил из тьмы.

Они поднялись по узкой лестнице, и вдруг глаза Айлин ослепил свет. Не тусклый факел, а настоящий рассвет. Воздух был свежим, морозным, пахнущим дымом и снегом.

Айлин оглянулась — и сердце её дрогнуло. Это был не Айсен. За спиной возвышались башни и стены чужого города. На площади гудела толпа, словно море. Люди кричали, спорили, плакали. Над ними реяли знамёна Нордстара, но не Айсена — Арклайна, города, куда её перенесли. Сколько она была в бессознательном состоянии, что её успели перевести в Арклайн, город, управляемый мужем ее тети Амелии.

— Что... что происходит? — Айлин едва не сорвалась на крик.

Толпа отвечала сама. Из десятков уст доносились слова, похожие на удары молнии:

— Князь Деон мёртв!

— Княгиня Джослин убита!

— Их предали! Их отравили!

— На трон посадили близнецов!

Айлин застыла. Слова входили в неё, как стрелы. Мир рушился прямо на глазах.

— Даррел и Деймон... — прошептала она, чувствуя, как в груди стынет дыхание. — Они... теперь князья?

Норвуд стоял рядом, его лицо оставалось каменным, но в глазах отражался огонь толпы. Он тихо произнёс:

— Война всегда начинается с крови в доме.

Айлин не знала, что страшнее — потеря родителей или мысль, что её братья-близнецы теперь держат Север в руках.

Толпа продолжала гудеть, словно буря. Арклайн жил новостью о предательстве, и с каждой минутой казалось, что пророчество, о котором говорил Норвуд, уже началось.

Княжну сразу оттащили от толпы неизвестные люди, из-за чего она потеряла из виду изгнанника.

- Княжна... — Прошептал оттаскивающий, хватая девушку за талию.

Айлин ничего не оставалось как схватить кинжал из ножен проходящего мимо мужчины и воткнуть его по самую рукоять в шею неизвестного человека.

Она убежала прочь от этой разъяренной толпы, и когда уже перестала видеть очертания города, где-то в глубине леса вырвала то, чего не должно было быть в желудке. Она вырвала едой, настолько противной, что самые мерзкие преступники не ели бы ее. Стоило княжне вытерпеть и поднять голову, как пред ней возвышались лица из Запада, во главе с принцем Лиамом.

- Лиам? — Успела обрадоваться Айлин, увидев в нем своего спасителя, но в следующую секунду ее ударили в голову.

Глава 6

Восточный Альянс редко тревожили смуты материка. Его земли были плодородны, его стены неприступны, его флот — гордость прибрежных княжеств. Но даже в сердце Майана, столицы, где башни вздымались над рекой, соединяющей юг и север, чувствовалось напряжение. Слухи о смерти князя Деона и княгини Джослин достигли городов быстрее, чем караваны купцов, и теперь тревога стояла над дворцом, как зимний туман над полями.

Александр Вейр, наследник трона, стоял у балкона и смотрел на шумный город. Внизу, на рыночной площади, торговцы выкрикивали цены, женщины спорили о хлебе, дети бегали между лавками, но под этой суетой витал иной дух — страх. Народ видел, как тучи собираются над материком, и ждал, когда раскатит гром.

Его шаги эхом отозвались в тронном зале, куда звали советники. Стены были обиты тяжёлым гобеленом с изображением побед и битв, а факелы разгоняли тени, словно древних духов. На возвышении сидел его отец — король Ялан Вейр, мужчина суровый, с густой седой бородой и глазами, в которых отражалась мудрость прожитых войн.

Советники уже собрались: старейшины в длинных мантиях, военачальники с бронзовыми плащами, жрецы, что хранили древние книги. Их голоса переплетались в споре, словно бурный поток.

— Север обезглавлен, — говорил один из старейшин Холден, опираясь на свой резной посох. — Народ не примет близнецов детьми. Их власть — мнимая. Это значит, что границы распахнутся.

— Если падёт Север, — подхватил военачальник, — Запад воспользуется этим первым. Они всегда мечтали расширить торговые пути. А что останется нам? Разорванные дороги и толпы беженцев у наших стен.

— И не забывайте о Пламени, — тихо, но внятно сказал Холден. Его слова заставили зал замереть. — Колдуны давно предрекали великую войну. Если равновесие рухнет, не сдержат её ни каменные крепости, ни золото.

Александр молчал, слушая, и ощущал, как внутри него рождается решимость. Он не был ребёнком, чтобы бояться призраков пророчества. Но он и не мог отрицать — слова старца не были пустым звуком.

Его отец поднял руку, и зал стих.

— Хватит. Пусть скажет мой сын, наследник.

Все взгляды обратились к Александру. Молодой принц встал, прямая осанка выдавала военного, но голос звучал как у человека, чьи мысли шли дальше клинков.

— Если мы будем ждать, — сказал он, — материк утонет в крови. Запад потянет своё, Пламя уйдёт в тень, но выпустит своих зверей, а дикари с Южного огня хлынут по морю. Сдержит ли это всё Альянс один? Нет. Если Север падёт окончательно, падём и мы. — Он сделал шаг вперёд, и в свете факелов его лицо казалось строгим, но уверенным. — Мы должны вмешаться. Не ради амбиций. Ради равновесия. Пусть я поеду на Север — как посол, как воин и как наследник. Я должен увидеть собственными глазами, что там происходит.

Зал загудел. Одни кивали, другие качали головами.

Отец долго смотрел на сына, словно пытался прочесть его мысли. В конце концов он произнёс:

— Ты знаешь, что это значит. Север — не поле для игр. Если ты войдёшь в Айсен, ты войдёшь в улей, где каждый меч ждёт твоей ошибки. И это не просто выборы капризной княжны, а переговоры.

Александр склонил голову, но в его голосе не было сомнения:

— Я готов.

И в ту ночь, когда над Майаном взошла луна, принц долго не мог уснуть. Ему казалось, что где-то в метелях далёкого Севера его уже ждёт встреча, которая изменит не только его жизнь, но и судьбу всего материка.

Александр лежал в своих покоях, где потолок был расписан звёздными картами, а из окон открывался вид на тихие воды реки. Но сон не приходил. Слова советников, шум споров, тяжёлый голос отца — всё это не давало покоя.

Он перевернулся на бок, и мысли понесли его к Северу. Там, за тысячами вёрст, в Айсене, где стены покрыты вечным инеем, жила княжна, имя которой звучало на каждом пире, в каждом зале переговоров. Айлин.

Он видел её всего несколько раз — на празднествах, на переговорах, где каждая улыбка и каждый жест были лишь частью великой шахматной доски, что звали политикой. Но её облик врезался в память.

Светлые, почти белоснежные волосы, словно лучи северного солнца, падавшие на плечи. Глаза — холодные, ясные, цвета льда в горных ущельях. Взгляд не по-женски прямой, будто она умела смотреть в самую суть вещей.

Он вздохнул.

«Да, она красива» — подумал он без тени восторга, скорее, как воин, отмечающий оружие противника или силу союзника. Красота княжны была не столько чарующей, сколько властной, такой, что её невозможно было не заметить.

В комнате повеяло сквозняком, и он натянул плащ на плечи.

«Но красота не спасёт её от бури, что надвигается. И не спасёт нас.»

Он закрыл глаза, стараясь отогнать образ княжны. Но чем сильнее пытался, тем отчётливее перед мысленным взором вставали её волосы и глаза, холодные, как замёрзшее море.

Путь из Майана на север был долгим, и Александр знал это лучше других. В детстве он много раз сопровождал отца в поездках по Восточному Альянсу, но никогда не заходил так далеко, к землям вечной зимы. Теперь же дорога тянулась неделями, и каждый день был новым испытанием для воли и терпения.

Караван двинулся из столицы ранним утром. Солнце поднималось из-за холмов, и лучи золотили крыши Майана, пока ворота города открывались для принца и его свиты. Впереди ехали стражники в блестящих кирасах, за ними телеги с припасами, знамёна с изображением солнечного круга — символа Восточного Альянса — колыхались на ветру. Сам Александр ехал верхом, в чёрном дорожном плаще, который скрывал его доспехи.

Поначалу путь был лёгким. Дорога вилась через плодородные равнины: виноградники, оливковые рощи, поля, где крестьяне махали серпами. В воздухе пахло хлебом, вином и травами. Люди приветствовали караван, но в их лицах читалась тревога.

На первой остановке в деревне староста, седой и согбенный, подошёл к Александру с хлебом и солью.

— Ваше высочество, — сказал он, низко кланяясь. — Мы молимся, чтобы Восток сдержал бурю. Говорят, Север пал.

Александр принял дар, кивнул, но не ответил. Он слышал подобные слова уже не раз, и каждая новая деревня только усиливала тревогу.

На третий день дорога пошла через леса. Деревья смыкались над путниками, и свет пробивался сквозь листву узкими полосами. Здесь, у костров, воины рассказывали слухи:

— Князя Деона предали свои же, — говорил один.

— Нет, это заговор Пламени, — возражал другой.

— Колдуны всегда ненавидели северян.

— А я слышал, что близнецов посадили на трон не без помощи Запада, — добавил третий.

Александр слушал молча. Он не вмешивался, но каждое слово откладывалось в памяти, словно камни в фундамент будущих решений.

Когда караван пересёк горные перевалы, погода изменилась. Тёплый ветер сменился пронизывающим холодом. На склонах лежал снег, дороги покрылись льдом, и лошади тяжело ступали. На перевалах ждали караульные башни, где путники обменивались новостями.

Однажды ночью, когда огонь костра потрескивал на фоне завывающего ветра, к Александру подошёл купец, присоединившийся к каравану. Его лицо было усталым, глаза — полны страха.

— Ваше высочество, — шепнул он, оглядываясь, будто за ним могли следить. — Я прибыл с севера, из Арклайна. Там народ гудит, словно улей. Говорят, княгиню и князя убили ночью, а тела их так и не нашли. А на трон посадили мальчишек. Люди не верят в это, шепчутся, что всё подстроено.

Александр не изменился в лице, но сердце его сжалось.

— Кто говорит? — спросил он сухо.

— Все. Каждый. Но никто не называет имён, — ответил купец. — В городе страх. Одни кричат о заговоре, другие о войне. И все ждут, что Восток вмешается.

После этого разговора сон больше не приходил к принцу. Он лежал, глядя на мерцающий костёр, и чувствовал, как надвигающаяся буря становится ближе с каждым днём пути.

Когда, наконец, дорога вывела караван на северные равнины, Александр впервые увидел белизну, которая простиралась до самого горизонта. Снег блестел под холодным солнцем, и ветер резал, как нож. Где-то там, за снежной пустыней, его ждал Айсен — и судьба, от которой не уйти.

«Север встречает нас холодом, но за этим холодом — огонь», — подумал он, крепче натянув плащ.

Серое небо давило низко, тяжёлыми тучами нависая над землями Севера. Александр и его свита въезжали в Арклайн под завывание ветра, и уже издали слышали шум — не городского торга, не мирного базара, а звериный гул человеческой толпы.

Городские стены были покрыты инеем, ворота зияли, словно пасть, через которую выбрасывалось дыхание смуты. У самых ворот валялось что-то тёмное, занесённое снегом. Лошадь принца заржала и шарахнулась в сторону, когда ветер обнажил человеческую руку.

— Повешенные, — пробормотал один из воинов. — На рассвете, должно быть.

Александр не ответил, только сильнее натянул поводья. Его сердце стукнуло тяжелее.

Въезд в город был подобен шагу в другой мир. Арклайн, некогда известный как торговый узел Нордстара, кипел, но кипел не жизнью, а яростью. Толпа заполняла площадь, люди кричали, спорили, драли друг другу волосы. Между ними бродили вооружённые стражники в чёрных плащах, больше похожие на голодных волков, чем на защитников.

— Предатели! — вопил один человек, стоя на бочке.

— Близнецы — не князя, а марионетки!

— Лжец! — отвечали ему из толпы.

— Они дети крови Деона Крассера! Пусть правят!

Крики гремели, как барабаны. А рядом, у стен, висели ещё тела — тех, кто посмел говорить громче других. Снег покрывал их плечи и волосы, а глаза были открыты, пустые, глядящие в никуда.

Александр сжал зубы. Внутри него боролись два чувства — холодное презрение к жестокости и тяжёлое понимание — это не случайность, а порядок вещей в разорванной земле.

— Ваше высочество, — тихо проговорил его советник Элар, едущий рядом. — Здесь власть держится на страхе.

Но принц не ответил. Он смотрел на детей, что, забившись в подворотни, жались друг к другу, пока их матери шептали молитвы. Смотрел на старика, которого толкали в толпе, словно

тряпичную куклу. Смотрел на лица, изуродованные ненавистью, и понимал: Север умирает не от мороза, а от людских сердец.

Когда караван пробирался дальше по узким улицам, Александр заметил огонь. У лавки, некогда богатой мехами, полыхали бревна. Мужчины бросали факелы, женщины выли, стражники стояли в стороне и не вмешивались. Вонь горелого дерева и шерсти врезалась в лёгкие.

Александр спрыгнул с коня. Воины бросились было удержать его, но он поднял руку, останавливая. Он медленно прошёл через толпу, и люди расступались, узнавая в нём чужеземного посла. Его плащ касался грязного снега, сапоги оставляли следы на окровавленной мостовой.

Он подошёл к горящему дому и посмотрел на лица, освещённые пламенем.

«Вот она, смута,» — пронеслось у него в голове. «Она не знает ни князей, ни тронов. Она живёт в каждом из них. И если мы не остановим её здесь, она сожрёт весь материк.»

Когда караван добрался до постоянного двора, где их ждали покои, ночь уже обрушилась на Арклайн. Но гул толпы не стихал. Казалось, весь город — это один огромный зверь, лишённый сна, что ворочался и рычал во тьме.

Александр стоял у окна своей комнаты, смотрел на клубы дыма и пляшущие огни, и впервые ощутил, что прибыл не просто в чужой город, а в самое сердце надвигающейся бури.

Постоялый двор, где остановился караван, был богатым и просторным, но даже тяжёлые ставни и резные стены не могли скрыть шум города. Ночь в Арклайне звенела криками и топотом ног, словно сам город не спал, а метался в бреду.

Принц сидел у камина, сняв плащ и положив меч рядом. Огонь в очаге трещал, но тепла не приносил. Мысли не давали покоя.

«Князь и княгиня мертвы. Близнецы возведены на трон. Народ разделён... и всё это совпало с исчезновением княжны Айлин.»

Он вспомнил её лицо: светлые, почти белые волосы, которые блестели на балах, и глаза цвета северного льда. Она всегда выделялась — не просто красотой, но осанкой, взглядом, которым она встречала даже королей без тени страха.

«И вот теперь о ней — тишина.»

За весь путь никто не говорил о княжне прямо. Лишь редкие обрывки.

— Сбежала... — шептал купец в лесах.

— Похищена, — перешёпывались женщины у постоянного двора.

— Мертва, — бросил угрюмо один из воинов у костра.

Слухи противоречили друг другу, но все сходились в одном: Айлин исчезла после того самого пира, где должна была объявить о своём выборе. После которого на рассвете уехали все представители материка.

Александр сжал кулак.

«Если она жива — где она? И почему никто из близнецов не говорит о ней? Если мертва — почему нет доказательств? И если сбежала... куда может уйти княжна Севера, где каждый шаг покрыт снегом и льдом?»

Он поднялся и подошёл к окну. С улицы доносился гул, запах дыма и железа. Толпа жила своей жизнью, и в этой жизни не осталось места для княжны.

«Но я не могу забыть её образ,» — признался он себе. Не как мужчина женщину, а как воин знамя, которое вдруг исчезло с поля боя.

Александр откинул ставню. Ветер ворвался в комнату, снежная пыль коснулась его лица. Он вдохнул этот холод и закрыл глаза.

Глава 7

Айсен встречал гостей не праздником, а холодом и тишиной. Стены столицы возвышались над равниной, окованные льдом, словно сами боги спрятали город в крепость из вечного снега. Когда караван Александра въехал в ворота, он заметил, что улицы полупусты. Лишь редкие жители торопливо проходили мимо, опустив головы, и в каждом шаге чувствовалось напряжение.

«Здесь нет радости, даже когда власть в руках наследников,» — подумал он, и сердце его сжалось.

Дворец, расположенный в самом сердце города, был величественным, но лишённым тепла. В огромных залах висели флаги с изображением северной звезды, но воздух был густым от холода и неуверенности.

В тронном зале было тихо, словно сама тишина стала оружием. На высоком кресле, покрытом мехами, сидели двое — Даррел и Деймон. Близнецы были ещё юны, лица их были бледны, а глаза — слишком живые для детей, слишком настороженные для князей. Они сидели плечом к плечу, но в каждом взгляде сквозила неуверенность, будто они ещё сами не верили в то, что правят.

Александр медленно прошёл по ковру, остановился и поклонился.

— Ваши светлости, — произнёс он, и его голос гулко отразился от каменных стен. — Я прибыл от имени Восточного Альянса.

Даррел — старший из близнецов, если можно так было сказать — наклонился вперёд. Его взгляд был дерзким, но слишком поспешным, словно он всё время доказывал самому себе право на трон.

— Восточный принц, — сказал он. — Твоё присутствие для нас честь... и вместе с тем напоминание о наших долгах.

Деймон, напротив, молчал. Его глаза не отрывались от Александра, и в этом молчании была скрытая сила — холодная, не менее опасная, чем резкие слова брата. Но Александр заметил не только их. Поодаль, в тени колонн, стояли мужчины в чёрных плащах. Их лица скрывали капюшоны, но в каждом взгляде читался опыт — это были не дети. Это были те, кто держал нити.

«Вот кто управляет троном,» — понял Александр. *«Близнецы лишь пешки. Но чьи они?»*

— Мы знаем, зачем ты здесь, — продолжил Даррел. — Восток всегда вмешивается, когда Север стоит на краю.

— Восток вмешивается не ради выгоды, — спокойно ответил Александр, — а ради мира. И я пришёл узнать, есть ли он ещё в ваших землях.

На миг в зале повисла тишина. Даже факелы потрескивали тише.

Деймон наконец заговорил. Его голос был низким, спокойным и странно взрослым для юного князя:

— Мир в Айсене зависит от того, кого ты слушаешь. Народ требует крови. Совет требует союзов. А Север — только выживания.

Александр смотрел на них и понимал: перед ним не враги и не союзники. Перед ним была загадка. И эта загадка могла решить судьбу материка.

Ночь в Айсене была мёртвой. Луна, застывшая над башнями, бросала длинные тени на дворцовый двор, и только вой ветра в проёмах стен нарушал тишину. Александр не спал — слишком много было мыслей после сегодняшнего совета. Он бродил по коридорам, где камень был холоден, словно лёд, а факелы едва отгоняли тьму.

У очередного поворота он заметил фигуру. Тонкий силуэт в плаще, шаги лёгкие и уверенные. Когда юноша обернулся, свет факела высветил черты Деймона.

— Принц Востока, — произнёс он негромко. — Странное время для прогулок.

— Сон не идёт, когда стены слишком молчаливы. — Александр чуть кивнул.

— Или, когда знаешь, что стены слышат больше, чем люди, — ответил Деймон с тенью усмешки.

Мальчик подошёл ближе, и в его глазах сверкнуло что-то, чего Александр не ожидал увидеть в столь юном лице: зрелость, отточенная страхом.

— Ты думаешь, мы управляем Севером? — вдруг спросил он. — Но это не так. На нас накинули короны, как цепи. Народ радуется, но в каждом зале есть глаза, которые следят за каждым нашим шагом.

Александр нахмурился.

— И кто же эти глаза?

Деймон обернулся к стене, будто проверяя, не слушает ли кто-то. Потом шагнул ближе и понизил голос до едва слышного шёпота:

— Те, кто избавился от отца и матери. Те, кто посадил нас на трон.

Сердце Александра ударило сильнее.

— Ты говоришь о заговоре?

Деймон встретил его взгляд. В этом взгляде не было детской наивности. Только усталость и тревога.

— Я говорю о том, что смерть князя Деона и княгини Джослин Крассеров была не случайной. И что исчезновение Айлин — тоже не случайность.

Эти слова прозвучали, как удар колокола в пустом храме.

— Айлин? — Александр сделал шаг вперёд. — Что ты знаешь?

Деймон отвёл глаза, и впервые в его голосе проскользнула боль.

— Я знаю только одно. Она не сбежала сама. Её увели. И если ты ищешь её, то ищешь врага, что сидит ближе к трону, чем кажется.

Он отступил назад в тень, словно боялся, что слова его отразятся эхом и донесутся до чужих ушей.

— Запомни, Александр: в этом дворце никто не говорит правду. Даже я.

И прежде, чем принц Востока успел ответить, Деймон растворился в коридорах, оставив после себя только шорох плаща и горькое эхо его слов.

Александр остался стоять один, с тяжестью на сердце. Теперь туман вокруг Айлин сгустился ещё сильнее.

«Её увели... Но кто? И зачем?»

Север дышал холодом и страхом. Александр чувствовал это с первых шагов за стены тронного зала: каждый взгляд был косым, каждое слово — обрывочным. Здесь никто не говорил прямо, будто сам воздух дворца наказывал за откровенность.

Он начал с воинов. В казармах, где стены были пропитаны запахом железа и старого вина, сидели стражники, гревшие руки у огня. Александр сел рядом, словно просто желал разделить тепло.

— Тяжёлые дни для Севера, — сказал он тихо.

Один из воинов, широкоплечий, со свежим шрамом на щеке, усмехнулся безрадостно.

— Для кого тяжёлые, а для кого лёгкие. У кого голова на плечах осталась — тот уже победитель.

— А княжна? — осторожно спросил Александр, будто мимоходом.

Тишина. Огонь потрескивал, но никто не спешил отвечать. Наконец, молодой стражник пробормотал.

— Говорят... увели её из дворца в ночь пира. Но куда — никто не знает.

— Или знают, да молчат, — добавил шрамолицый, бросив на Александра внимательный взгляд.

Дальше были слуги. В мраморных коридорах, где полы сияли от натирания, женщины в серых одеяниях носили воду и еду. Александр остановил одну, молодую, с глазами, полными страха.

— Я видел вас на пиру, — сказал он мягко. — Вы ведь служили княжне Айлин?

Она опустила взгляд. Пальцы её дрожали, глиняный кувшин едва не выскользнул.

— Я... я не могу говорить, господин. Нас слушают.

— Я никому не передам, — уверил её Александр, и в его голосе прозвучала та честность, что не позволяла сомневаться.

Девушка всхлипнула и наконец шепнула:

— Она кричала. В ту ночь. Я слышала. Но стража гнала нас прочь. Потом... потом в её покоях всё было убрано. Словно её там никогда не было.

Последними были старые советники. Седые люди, которые при Деоне и Джослин были голосами мудрости. Теперь они сидели в холодных залах, словно тени. Один из них, худой, с лицом, изборождённым морщинами, взглянул на Александра долгим, выжидающим взглядом.

— Вы ищете её, — сказал он негромко. — Но разве вы не понимаете, принц Востока? Здесь искать опаснее, чем в снегах.

— Я должен знать правду, — ответил Александр.

Старик кивнул, словно это был ожидаемый ответ.

— Тогда запомните: не верьте никому, кто говорит слишком громко. Правда в Айсене всегда шепчет. И она шепчет вам — княжна жива. Но те, кто держит её, ближе к трону, чем вы думаете.

Вернувшись в свои покои, Александр долго смотрел в окно. Снег валил густо, скрывая башни и стены. Но он знал: за этим белым покровом скрывается не только город, но и тайна, которая может погубить целый материк.

«Айлин жива... Но где же ты?» — думал он, сжимая ладонь на рукояти меча.

Ночь в Айсене была особенно тёмной. Факелы в коридорах гасли чаще обычного, и казалось, будто сама тьма сгущалась вокруг дворца. Александр возвращался в покои после долгих расспросов, когда заметил шаги позади. Лёгкие, но слишком выверенные для слуги.

Он свернул в боковой коридор, и там, где каменные стены сходились узким сводом, дорогу ему преградили трое. В серых плащах, лица скрыты капюшонами. Двигались они спокойно, будто знали, что принцу некуда бежать.

— Восток слишком любопытен, — сказал один, голос его был сухим, словно шелест бумаги. — Особенно, когда касается дел Нордстара.

Александр положил руку на рукоять меча, но не вынимал его.

— Любопытство — удел тех, кто ищет истину.

Второй шагнул ближе. Под плащом поблёскивал кинжал.

— Истина? В этих стенах нет истины, принц. Есть только сила и те, кто ею владеет.

— А княжна? — твёрдо спросил Александр. — Где Айлин?

Тишина повисла тяжёлым сводом. Потом первый усмехнулся:

— Жив ли снег подо льдом? Или он уже давно стал частью реки? Так и с ней.

Александр сделал шаг вперёд, и его глаза сверкнули холодом.

— Я не боюсь ваших загадок.

Третий из плащеносцев заговорил впервые, его голос был низким и глухим.

— Тогда запомни: ищущий правду в Айсене ищет смерть. Уходи, пока можешь.

Они разом отступили в тень, и коридор опустел, словно их никогда не было. Только холод остался — такой же тяжёлый, как ледяная поступь судьбы.

Александр остался один, но впервые ощутил: за ним наблюдают. Не просто следят — его шаги записаны, его дыхание подсчитано.

«Значит, я близок,» — понял он, стискивая рукоять меча. «И раз они пытаются меня остановить, Айлин всё ещё жива.»

Город спал под завывание метели. За стенами дворца ветер рвал флаги, снег стучал по окнам, словно сам Север пытался пробиться внутрь. Но в покоях Александра было тихо. Он сидел на краю постели, не раздеваясь, чувствуя, что сон не придёт. Слишком тяжёлым грузом лежали на сердце слова Деймона и встреча с людьми в плащах.

Он погасил свечу, оставив лишь слабый свет из окна, и лёг, прикрыв глаза — будто спал. И тогда принц услышал. Скрип. Тихий, осторожный, но для натренированного уха — словно гром. Дверь его покоев медленно открылась. В щель скользнула тень. Александр задержал дыхание. Пальцы легли на рукоять меча.

В комнату вошли двое. В руках — короткие кривые клинки, блеснувшие в лунном свете. Двигались они мягко, как волки, готовые перегрызть горло спящей добыче. Они приблизились к постели. Один поднял нож, другой наклонился, готовясь вонзить сталь. И в тот миг Александр резко вскочил. Меч сверкнул, отражая лунный свет. Первый удар он отбил, второй — скользнул по лезвию, едва не зацепив плечо.

— Думаете, Восток спит? — рыкнул он и ринулся вперёд.

Клинка звенели, искры летели от стали. Комната превратилась в поле боя. Один из убийц попытался ударить в спину, но Александр оттолкнул его коленом в грудь, сбив дыхание. Второго он прижал к стене, меч у горла, и впервые увидел глаза под капюшоном — холодные, безжизненные, как лёд.

— Кто вас послал?! — прорычал Александр.

Убийца лишь усмехнулся. Губы его шепнули:

— Север не для чужаков.

И тут же, прежде чем Александр успел что-либо сделать, он перерезал нападавшему горло собственным кинжалом. Второй, оправившись, метнулся к окну и, разбив стекло, исчез в метели.

Тишина рухнула, словно потолок. Комната была залита кровью. Огонь в камине вспыхнул, словно ответил на бой. Александр тяжело дышал, сжимая меч. Сердце билось яростно, но разум оставался холодным.

«Они больше не прячутся в тених, — понял он. Теперь они охотятся.»

Он посмотрел на тело у стены и сжал зубы.

Утро в Айсене было мрачным. Снег продолжал падать, скрывая улицы, но дворец жил своей жизнью: шаги стражников гулко отдавались в коридорах, голоса советников спорили за закрытыми дверями. Александр, не скрывая усталости, шёл прямо в тронный зал. На плаще его темнели следы засохшей крови — напоминание о ночи, что могла стать последней.

Зал встретил его холодом. На троне, окутанные мехами, сидели Даррел и Деймон. Рядом стояли люди в чёрных плащах, как тени, что никогда не покидают хозяина. Советники шептались, придворные переглядывались.

Александр остановился в центре зала и громко произнёс:

— Сегодня ночью в моих покоях были убийцы. Они пришли не грабить и не мстить. Они пришли убить меня.

В зале пронеслось гулкое шипение голосов.

Даррел нахмурился, ударил ладонью по подлокотнику.

— Как смеют воины Севера нападать на гостя из Востока?! Это позор для нашего дома! Это наши единственные союзники, которые веками приходили на помощь северу.

Деймон молчал. Его взгляд был прикован к Александру, и в этом взгляде таилась тревога.

— Это были не простые воины, — продолжил Александр. Его голос резал тишину, как клинок. — Это были те самые люди в плащах, которых я вижу рядом с вами. Люди, что уже лишили вас родителей. Люди, что держат ваши жизни в руках.

Шёпот в зале взорвался, словно буря. Придворные ахнули, советники переглянулись. Люди в плащах не дрогнули, их лица оставались скрытыми, но руки легли на рукояти кинжалов.

Даррел вскочил. Его голос дрожал от ярости.

— Ты смеешь обвинять нас в предательстве?!

— Я не обвиняю, — твёрдо ответил Александр. — Я говорю правду. Ваши родители были убиты. Ваша сестра исчезла. И те, кто стоит за этим, сейчас рядом с вами.

На миг наступила полная тишина. Только пламя факелов потрескивало. И тогда Деймон сказал, глядя прямо на брата:

— А если он прав?..

Даррел резко обернулся к нему, и в его глазах сверкнул страх. Но страх не перед Александром — перед тем, что брат вслух озвучил то, чего они оба боялись. Зал замер, ожидая, что произойдёт дальше. Александр сжал рукоять меча, готовый к любой развязке.

«Сейчас решается, друг я им или враг.» — пронеслось у него в мыслях.

Тишина в зале стала невыносимой. Даррел стоял, сжимая подлокотник трона так сильно, что костяшки пальцев побелели. Деймон смотрел на брата, будто пытаясь удержать его от необдуманного слова. Люди в плащах не двигались, но воздух вокруг них был напряжён, как натянутая струна.

Александр сделал шаг вперёд. Его голос прозвучал спокойно, но в каждой ноте чувствовалась сталь:

— Я прибыл сюда, чтобы заключить союз, а не искать врагов. Но теперь я знаю, что в стенах Айсена враг уже живёт. И если вы не разберётесь с ним сами, это сделает кто-то другой.

Он перевёл взгляд с близнецов на тени в плащах.

— Восток не боится зимы. И Восток не боится тех, кто прячется за капюшонами.

Шёпот снова прокатился по залу. Никто ещё не говорил столь прямо при всех.

Даррел хотел было что-то сказать, но Деймон поднял руку, словно прося молчать. Его глаза встретились с глазами принца. В этом взгляде был немой ответ — понимание и признание.

Александр развернулся и пошёл к выходу. Его шаги эхом раздавались под каменными сводами, и каждый шаг звучал, как удар молота по наковальне. Перед самыми дверями он остановился и бросил последнее слово через плечо:

— Помните: если княжна жива, её судьба ещё может стать вашей спасительной звездой. Но если она погибнет — Север рухнет, и никто не удержит бурю.

Он открыл двери и вышел, оставив зал в шуме голосов и спорящих взглядов. Во дворе ветер бил по лицу ледяной пылью. Александр натянул плащ и вздохнул.

«Теперь я враг для тех, кто скрывается в тенях. Но союзник для тех, кто ищет правду. Значит, мой путь только начинается.»

Днём улицы были пустынные, словно вымершие, а по ночам в тёмных закоулках зажигались огни таверн. Смех, звон кубков и гул голосов пробивались сквозь снежную выюгу. Именно сюда Александр направился со своей свитой — несколькими воинами и советниками, верными Востоку.

Таверна называлась «Медвежий Клык». Здание было низкое, с толстыми каменными стенами и тяжёлой дверью, из которой валил запах дыма и вина. Внутри стоял тёплый полумрак. Факелы горели коптящим огнём, потолок затягивал дым трубок, а под ногами скрипели доски.

Александр сел за дубовый стол в углу. Воины расселись рядом, сняли плащи, и на мгновение они стали похожи на простых путников, а не на свиту восточного принца.

— Крепкого вина, — сказал он трактирщику, тяжёлому мужчине с красным лицом и густой бородой. — Самого лучшего, что есть.

Перед ними поставили глиняные кувшины и кубки. Вино было густым, тёмно-красным, с терпким вкусом и крепким послевкусием. Александр пил быстро, не смакуя. Каждый глоток жёг горло, но вместе с тем отбрасывал тяжесть последних дней.

Музыка разливалась по залу: где-то у камина играли на лютне и бубне, девушки в ярких платках кружились в танце. Шум толпы накрывал, и впервые за долгое время принц позволил себе расслабиться. Именно тогда он заметил её. За соседним столом сидела девушка — волосы тёмные, гладкие, падали на плечи, а глаза горели, словно угли. Она смеялась, разговаривая с купцами, но взгляд её не раз скользнул в сторону Александра. Он почувствовал это — не просто взгляд праздного любопытства, а вызов. Когда её спутники увлеклись спором о торговых маршрутах, девушка поднялась, взяла свой кубок и подошла к столу принца.

— У вас вино лучше, чем у нас, — сказала она, улыбнувшись. Голос её был низким, чуть хриловатым. — Не угостите?

Александр взглянул на неё спокойно, но внутри уже почувствовал азарт. Он налил ей вина, и она села рядом, словно всегда принадлежала этому месту.

Разговор завязался быстро. Она спрашивала о Востоке — о городах под солнцем, о реках, где не замерзает вода. Он отвечал неохотно, но чем дальше пил, тем больше слов находил. Она смеялась его сухим репликам, поддразнивала, касалась его руки, будто невзначай.

Воины переглядывались, но молчали. Они знали: их господин просто выпускает пар.

К полуночи Александр уже чувствовал лёгкое опьянение. Голова горела, но мысли были ясны. Он заметил, как девушка склонилась ближе, как её волосы коснулись его плеча.

— Здесь слишком шумно, — прошептала она. — Может, найдём место тише?

Он не ответил словами, лишь поднялся. Она встала вместе с ним, и они направились наверх, по узкой лестнице к комнатам для постояльцев. Дверь скрипнула, впуская их в тесную спальню с низким потолком и широкой постелью, застеленной грубым мехом. За окном выл ветер, метель билась о ставни, но внутри было жарко.

Александр захлопнул дверь, и на миг оба замерли. Она стояла перед ним, держа кубок вина в руке, а в её глазах не было ни страха, ни нежности — только вызов. Он шагнул ближе. Кубок выпал из её пальцев, ударился о пол и разлетелся.

Что было дальше — осталось за закрытыми дверями. Для Александра это не было любовью, не было привязанностью. Это был способ на время заглушить гнев, выплеснуть напряжение, забыть шёпот заговоров и холодный страх темницы.

Утро встретило их серым светом сквозь щели ставен. Принц сидел на краю постели, натягивая сапоги. Девушка спала, свернувшись клубком в мехах. Он не смотрел на неё.

Свет блеклого рассвета пробивался сквозь щели ставен, падая косыми полосами на постель, где Александр сидел, облокотившись на колени. Гул в голове напоминал, сколько кубков вина он выпил ночью, но мысли оставались ясными. Девушка ещё спала, укрытая до подбородка мехом, дышала тихо и размеренно. Принц уже собирался подняться и уйти, когда дверь без стука распахнулась.

— Вот это да! — раздался знакомый голос, полный насмешки. — А я-то думал, ты всю ночь зубрил речи для совета, а ты, оказывается, вон какие «союзы» заключаешь!

Александр резко повернулся. В проёме стоял Дин Вейр — его двоюродный брат, худощавый, с вечно растрёпанными волосами и насмешливой улыбкой. На нём был дорожный плащ, на шее висела тонкая цепочка, в руке он держал кувшин, словно пришёл с утра подлить вина.

— Дин, — только и сказал Александр, устало потирая виски. — Ты вечно приходишь не вовремя.

— Не вовремя? — Дин шагнул внутрь, оглядываясь. Его взгляд скользнул на спящую девушку, и он театрально вздохнул. — По-моему, самое что ни на есть вовремя! Хоть посмотрю, как суровый восточный орёл падает в мягкое гнездо.

Он присел на край стола, поставив кувшин рядом, и ухмыльнулся:

— Ну, скажи, кузен, это у тебя был дипломатический приём или всё же больше похоже на штурм крепости?

Александр закатил глаза, не отвечая. Девушка в мехах что-то пробормотала во сне и повернулась на другой бок.

— Тише, — бросил он Дину. — Уйдём.

— А-а, — протянул брат, не вставая. — То есть теперь ты ещё и рыцарь ночных приключений, заботливый и тихий. Я всегда говорил, что в тебе есть скрытые таланты.

Александр поднялся и начал натягивать плащ. Дин смотрел на него с тем же весёлым интересом, как ребёнок, застукавший взрослого за чем-то запретным.

— Ты хотя бы имя запомнил? — спросил он вполголоса. — Или снова будешь называть её «милая»?

Александр бросил на него тяжёлый взгляд.

— Дин. Хватит.

— Хорошо-хорошо, — рассмеялся тот, поднимая руки. — Молчу. Но только знай: когда об этом прознают в замке, слухи сами полетят, как вороны на падаль. И будь уверен — я не приложу к этому ни одного слова.

Александр застегнул плащ и направился к выходу. Дин поднялся вслед, догнал его и хлопнул по плечу.

— Не злись, брат. Я просто рад, что ты всё ещё умеешь жить, а не только воевать и думать о пророчествах. Иногда вино и женщины — лучший щит от мрака.

Александр не ответил, но в уголках его губ мелькнула тень усмешки.

Они вышли на улицу. Морозный воздух хлестнул в лицо, выюга снова гнала снег по узким улочкам столицы. Александр шагал вперёд, думая о будущем, а рядом Дин беззаботно насвистывал какую-то мелодию, будто у них впереди не война, а лишь очередное приключение.

Дорога из Айсена была долгая и тяжёлая. Снег лежал глубокими сугробами, кони проваливались в наст, дыхание их поднималось паром в морозном воздухе. Караван двигался медленно: впереди разведчики, за ними повозки с припасами и воины. Александр ехал верхом рядом с Дином, кутаясь в меховой плащ, и молчал. Мысли его возвращались к Айлин, к смуте в Нордстаре, к загадочным фигурам в капюшонах.

— Ты, как всегда, задумчив, кузен, — нарушил молчание Дин, откинув капюшон, чтобы ветер трепал его непослушные волосы. — А я, между прочим, пока ты нежился в мехах со снежной королевой, работал.

Александр бросил на него холодный взгляд, но брат лишь улыбнулся и продолжил:

— Провёл маленькое расследование. Знаешь, слухи в Айсене разносятся быстрее, чем вино по крови. И вот что я узнал.

Он осадил коня, сделав паузу, будто смакуя момент.

— Южный Огонь, — Дин произнёс это название с нарочитым драматизмом, — выдвинулся со своими кочевыми ордами на Запад. Идут шумно, идут быстро. Знаешь зачем? Чтобы предъявить обвинения Западу в похищении нашей милой княжны Айлин.

Александр резко натянул поводья, его конь всхрапнул и встал на дыбы.

— Запад? — он прищурился. — На каком основании?

— Ах, вот тут-то и смешно, — Дин усмехнулся. — Оснований у них нет. Доказательств тоже нет. Но знаешь, в чём беда? Эти кочевники верят в свои убеждения больше, чем в сталь клинков. Уверены: это Запад увёл Айлин.

Александр молчал, глядя на снежное поле впереди. В груди его поднялась тяжесть.

— Значит, — медленно произнёс он, — Южный Огонь столкнётся с Западом. А Восток окажется втянутым в их спор.

— Вот именно, — Дин покачал головой. — А мы с тобой как раз едем во Запад. Прекрасное совпадение, не находишь?

Он снова улыбнулся, но улыбка эта была горькой.

— Что будешь делать, Александр? Если Запад не виновен, а кочевники всё равно жаждут крови?

Принц сжал кулак в меховой перчатке.

— Буду искать правду. И если Южный Огонь идёт войной на Запад, значит, кто-то хочет развязать бурю. Возможно, это и есть то самое пророчество.

Дин посмотрел на него долгим взглядом, потом вздохнул и вновь натянул поводья.

— Ну что ж, кузен. Тогда держи голову холодной. А сердце — лучше вовсе не используй. В такие времена оно только мешает.

Они двинулись дальше, и метель закрыла их следы на пути в Майан.

Глава 8

Дорога привела их к высоким стенам восточной столицы. Город возвышался над равнинами, укрытый снежным покрывалом, но всё же живой и величественный. Высокие башни, крытые медью, блестели в тусклом зимнем свете; флаги Восточного Альянса трепетали на ветру, и шум улиц пробивался даже за ворота.

Александр въехал в город во главе своей свиты. Толпы людей собрались вдоль дорог, кто-то приветствовал, кто-то шептался, показывая пальцами. Новость о смуте в Нордстаре уже достигла страны, и теперь глаза горожан были полны тревоги.

— Видишь? — вполголоса сказал Дин, наклоняясь к нему. — Народ ждёт от тебя ответов. Но ещё больше — ждёт будущего.

Александр не ответил. Его мысли были тяжелее зимних облаков.

В замке альянса их встретил совет старейшин и ближайшие родственники. Атмосфера в зале была напряжённой: разговоры смолкли, как только Александр вошёл.

— Принц, — обратился к нему один из советников, седой, с глубокими морщинами. — Ваш отец... Его здоровье ухудшилось.

Эти слова ударили сильнее, чем холод за стенами. Александр замер, сжимая кулаки.

— Насколько? — тихо спросил он.

— Врачи говорят... дни его сочтены. Сердце не выдерживает. Он требует видеть вас немедленно.

Дин бросил на кузена тревожный взгляд. Шутка в его глазах сменилась тенью печали.

— Александр, — продолжил советник, — Совет постановил: скоро должна состояться коронация. Ваш отец желает сам передать вам венец, пока жив.

Слова «коронация» эхом разнеслись по залу. Всё, что недавно казалось лишь политической игрой — смута в Нордстаре, угроза с Юга, обвинения в адрес Востока — теперь падало на его плечи ещё тяжелей, потому что вместе с войной на материке он должен был принять бремя короны.

Александр глубоко вдохнул, сдерживая гнев и страх.

— Я увижу отца, — сказал он твёрдо. — И коронацию приму, когда придёт время. Но знайте: до этого дня я хочу знать всё о Южном Огне и их движении. Никто не должен застать Восток врасплох.

Он развернулся и направился к покоям отца.

Коридоры казались бесконечными. Каждый шаг отдавался в груди тяжестью. Он вспомнил Айлин — её глаза, холодные и светлые, словно лёд. Вспомнил смуту и заговорщиков. Всё сливалось в один узел, который теперь должен был развязать он — наследник, принц, будущий король.

У дверей покоев стояли стражники. Александр остановился, собираясь с силами.

«Если отец уходит... значит, буря начинается под моим именем.»

Комната, куда вошёл наследник, утонула в полумраке. Шторы были задернуты, лишь несколько свечей горели у изголовья широкой постели. Воздух был тяжёлым, пахнул травами и дымом благовоний, которыми врачи пытались облегчить страдания умирающего.

На подушках лежал король Ялан — его отец. Лицо осунулось, кожа стала бледной, глаза запали, но в их глубине всё ещё тлел тот самый огонь, что некогда зажигал целые армии.

Александр подошёл и встал на колени рядом с постелью.

— Отец...

Король медленно повернул голову. Его губы дрогнули, но голос был хриплым, почти шёпотом:

— Александр... мой сын. Ты вернулся.

Александр сжал его руку — холодную, но всё ещё сильную.

— Я здесь. Совет сказал, что вы желаете видеть меня.

Ялан едва улыбнулся.

— Совет всегда говорит то, что выгодно ему. Но ты должен помнить, сын: король слушает советников, но решение принимает сам. Никогда не позволяй им править вместо тебя.

Александр кивнул, впитывая каждое слово.

— Отец... они говорят, дни ваши сочтены.

— Так и есть, — спокойно ответил король. — Сердце устало, тело больше не слушается. Но дух мой всё ещё здесь, и я должен вложить его в тебя, прежде чем уйду.

Он кашлянул, кровь проступила на губах, но он не позволил Александру позвать лекарей.

— Слушай. Война идёт к нам. С севера — смута и смерть князя. С юга — кочевники и их обвинения. С запада — сомнения и подозрения. И даже на востоке есть те, кто жаждет твоего падения.

Его глаза вспыхнули ярче.

— Ты должен быть крепче стали. Ты не имеешь права на слабость, сын. Народ будет видеть в тебе опору. Даже если сердце твоё будет в огне, лицо твоё должно оставаться холодным, как лёд.

Александр склонил голову, задумываясь над словами отца и сравнении с северянами.

— Я боюсь... что не справлюсь.

Король приподнялся, и в этот миг его голос прозвучал громче:

— Каждый король боится! Но лишь тот, кто признаёт свой страх и идёт вперёд, достоин венца.

Он сжал руку Александра так сильно, как только мог.

— Запомни: быть королём — значит быть одиноким. Даже среди друзей, даже среди родни. Одиноким. Но в этой одиночной тьме ты должен стать светом для других.

Слёзы блеснули в глазах Александра, но он сдержался.

— Я клянусь, отец. Я не подведу вас.

Король кивнул, улыбка тронула его губы.

— Тогда ты готов. Совет уже готовит коронацию. Я хочу, чтобы именно мои руки возложили корону на твою голову, пока я ещё жив. Пусть все увидят: это мой выбор.

Он закрыл глаза, дыхание стало тяжёлым.

— Иди... готовься, сын. Время твоё пришло.

Александр ещё долго сидел рядом, слушая слабое дыхание отца. Потом поднялся, тяжёлый, как камень, и вышел из покоев.

За дверью ждал Дин. Он увидел лицо кузена и всё понял без слов.

— Он сказал тебе главное? — спросил он тихо.

Александр кивнул.

— Сказал. Теперь на мне Восток. И, может быть, весь материк.

Подготовка к коронации началась на следующий день. Залы дворца Майана ожили: слуги развешивали гобелены, ковровщики стелили алые дорожки, оружейники чистили доспехи для почётной стражи. Снаружи же — в городе — всё было иначе. Народ шумел, спорил, выносились догадки: кто станет править? Что будет после смерти старого короля? И придёт ли Восток к войне вместе с другими державами?

Александр сидел в тронном зале за длинным столом вместе с советниками. На его плечи уже легла невидимая тяжесть короны.

— Принц, — начал старший из советников, сухой, с редкими седыми волосами и цепким взглядом, — вы должны знать: кроме угроз извне, Восток ждёт ещё одно испытание.

Александр поднял глаза.

— Говорите прямо.

— Грядёт гражданская война. — Советник сложил руки на столе. — Ваш дядя, лорд Эдрик Вейр, брат Его Величества, считает, что именно он достоин занять трон. Он старше вас, он опытен, и у него есть сторонники среди знати. Они уже готовят почву для мятежа.

Александр нахмурился.

— Он предаст память собственного брата?

— Предаст, — ответил другой советник, тяжёлый мужчина с густой бородой. — И не дрогнет.

Тишина в зале стала удушающей.

— А Дин? — наконец произнёс Александр. — Его сын?

Советники переглянулись.

— Дин не опасен, — сказал седой. — Он — лишь пешка, кузен, без прав на престол. В его жилах есть королевская кровь, но недостаточно, чтобы стать соперником. Его судьба — быть оружием в руках отца. Или забавой для народа.

Александр сжал кулаки. Перед глазами всплыло лицо Дина — всегда смеющегося, беззаботного, готового прикрыть плечо в трудную минуту.

— Дин — не пешка, — резко сказал он. — Дин — мой брат и друг. Если дядя решит использовать его как щит, пусть знает: я этого не позволю.

Советники смолкли. Кто-то склонил голову, кто-то нахмурился, но все понимали: грядёт не только коронация. Грядёт битва за саму душу Востока.

Позже, выйдя из зала, Александр застал Дина в коридоре. Тот, как всегда, улыбался и жонглировал яблоками, пойманными у повара.

— Что там за мрачные совещания? — спросил он, кидая яблоко в руку кузена. — Наверное, опять решали, какого цвета должны быть ковры для твоей великой коронации?

Александр задержал взгляд на брате. Слова советников звенели в ушах: «лишь пешка».

— Нет, Дин, — ответил он глухо. — Речь шла о твоём отце.

Улыбка медленно сползла с лица Дина.

— О моём отце? — он поднял брови. — Опять его тень мелькает над троном?

Александр кивнул.

— Он готовит мятеж. И использует твоё имя, если сможет.

Дин на миг замолчал, потом криво усмехнулся:

— Ну, это в его духе. Я для него всегда был не сыном, а инструментом. Только вот инструмент я плохой — ржавый и слишком свободный.

Он положил руку Александру на плечо.

— Не верь им. Я не его пешка. Я твой брат. И если придётся выбирать, я буду рядом с тобой.

Александр позволил себе короткую улыбку.

Поздний вечер опустился на столицу. В зале для приёмов давно погасли факелы, слуги разошлись, и лишь в покоях принца ещё горел огонь. На массивном дубовом столе стояли блюда: жареный фазан, сыр в глиняных формах, вино, чёрный хлеб, и миска с мёдом — простое, но сытное угощение.

— Ты опять заказал фазана? — усмехнулся Дин, ввалившись в комнату без стука и швырнув на стол плащ. — Сколько можно, Александр, у тебя скоро перья на спине вырастут.

Александр оторвал кусок хлеба и только покачал головой.

— Это лучше, чем твоя любовь к кислой похлёбке.

— Ха! — Дин схватил кувшин с вином и налил себе до краёв. — Похлёбка кормит народ. А твои фазаны — только королей.

Он сел прямо на край стола, не заботясь о приличиях. Александр хотел было пожуричь его за манеры, но остановился — брат умел разрушать мрачность в одно мгновение.

— Помнишь, как мы в детстве воровали пироги с кухни? — вдруг сказал Дин, откусив кусок сыра. — А повариха потом гонялась за нами с половником?

Александр невольно улыбнулся.

— Ты вечно прятался за моей спиной, а мне доставалось.

— Ага, зато ты тренировался уклоняться от ударов, — ухмыльнулся Дин. — Видишь, я с детства заботился о твоём воинском искусстве.

Они рассмеялись. Смех прозвучал в стенах покоев легко и чисто, словно на миг стерлись все тревоги: ни трона, ни угрозы, ни мятежа. Только два кузена, сидящие за ужином.

Слуга, входящий с кувшином горячей воды, замер в дверях, поражённый картиной: будущий король и его родственник спорили, кто быстрее выпьет кубок вина.

— Ваши Высочества... — начал он неуверенно.

— Не мешай, — отмахнулся Дин, — сейчас решается судьба Востока: кто из нас первым свалится под столом!

Александр, к удивлению, самого себя, рассмеялся громко и искренне.

Утро встретило город звонким гулом: кузнецы стучали по наковальням, женщины в длинных юбках торговались за рыбу на базаре, дети носились между лавками, словно маленькие ураганы. Город жил — шумно, пёстро, радостно.

Александр и Дин шли бок о бок по каменным мостовым, не в роскошных одеяниях, а в простых дорожных плащах, чтобы не сразу бросаться в глаза.

— Смотри, вот так выглядит настоящая жизнь, — сказал Дин, ухмыляясь, и ткнул брата локтем в бок. — Ни тебе советников, ни интриг. Только запах жареного хлеба и вино прямо из бочки.

Они остановились у лавки пекаря. Горячие булочки с корицей источали такой аромат, что Александр впервые за долгое время почувствовал, как светло желудок.

— Два, — сказал он пекарю, протянув монету.

— Два? — Дин возмутился. — Ты будущий король, а ведёшь себя как нищий! Дай мне пять.

— Ты их всё равно съешь один, — усмехнулся Александр.

Пекарь, не подозревая, кто перед ним, отдал им пакет с булочками и пожелал удачи. Дети у соседней лавки попытались стащить яблоки с прилавка, и торговец погнался за ними, крича на весь рынок.

— Помнишь, мы так же бегали? — сказал Дин, откусывая булочку. — Только у нас не яблоки, а пироги были.

Александр кивнул. Его взгляд задержался на старике, что играл на лютне, окружённый слушателями. В песне звучало имя его отца — народ уже слагал баллады о короле, который доживал последние дни.

Толпа вокруг была разношёрстной: ремесленники в кожаных фартуках, купцы в богатых плащах, женщины с корзинами рыбы и трав, даже солдаты в доспехах, что покупали дешёвое вино. Каждый говорил о скорой коронации.

— Говорят, новый король молод, но умен.

— А я слышал, что его дядя уже собирает войско!

— Лишь бы войны не было. Людям нужна еда, а не кровь...

Александр слушал и чувствовал тяжесть в груди. Для этих людей он был надеждой. Для других — угрозой.

— Видишь? — сказал Дин, оторвав его от мыслей. — Они говорят о тебе. Ты для них — не принц, а символ. Король, которого ещё нет, но уже ждут.

Александр ничего не ответил. Он смотрел на лица горожан и понимал: именно за них ему придётся сражаться.

Дин же, не любящий мрачность, вдруг схватил одного уличного мальчишку за руку и подмигнул:

— Эй, герой, хочешь заработать монету? Скажи-ка нам, кто, по-твоему, станет лучшим королём?

Мальчишка распахнул глаза, посмотрел на обоих и сказал:

— Тот, кто не забудет нас, простых людей.

Дин расхохотался, а Александр почувствовал, что эти слова будут звучать в его голове дольше, чем любая речь советников.

Глава 9

Утро во дворце началось задолго до рассвета. Уже в первые часы залы наполнились гулом голосов, звонким стуком молотков и скрипом носилок. Коронация — событие, которого ждали многие, и каждый хотел, чтобы именно его труд запомнился новому королю.

Во внутреннем дворе строили помост, на котором Александр должен был предстать перед народом. Мастера спорили о высоте: одни говорили — чем выше, тем величественнее, другие возражали — народ не должен чувствовать себя ничтожным перед своим повелителем.

В мастерских резчики украшали трон золотыми узорами, изображающими солнце и орла — древние символы Востока. Каждое движение стамески отзывалось эхом в зале, и Александр, проходя мимо, задержался на миг: этот трон ждёт его, но он ещё чужой.

Жрецы в белых одеяниях собирались в храме при дворце. Они готовили священный огонь, что должен был гореть в чаше во время церемонии, и перелистывали старые свитки, где описывались слова клятвы, древние как сама династия. Их голоса сливались в низкое гулкое бормотание, словно ветер в горах.

Советники же, собравшись в большой зале, спорили до хрипоты.

— Одежда должна быть из белого шёлка, чтобы показать чистоту рода!

— Нет, пурпур! Пурпур — цвет силы, власти и крови, пролитой за Восток!

— Надо короновать его в кольчуге, пусть народ видит в нём воина!

Александр сидел в кресле, слушая их, и чувствовал, как в груди поднимается тяжесть. Они спорят о цветах, о символах, о ткани, но никто не спрашивает, готов ли он к этому ярму...

Во дворце пахло воском свечей, горячим хлебом, принесённым для жрецов, и свежей древесиной от мастерских. Повсюду бегали мальчишки-оруженосцы, слуги тащили ткани, женщины развешивали венки из еловых ветвей. И всё это бурлило вокруг Александра, словно водоворот. Когда он вышел на балкон, открывшийся над двором, то увидел самую яркую картину: сотни воинов Востока тренировались — щиты ударялись о щиты, копья звенели, мечи вспыхивали на солнце. Это была живая сталь, сердце королевства, и народ собирался у ограды, чтобы смотреть, как их будущий король выйдет с ними на поле в день нужды.

Рядом возник Дин, держащий в руках яблоко и, как всегда, с улыбкой.

— Ну, брат, — сказал он с ленивой усмешкой, — если ты думал, что свадьбы — тяжёлое дело, то погоди, пока тебя обрядят в пурпур и заставят улыбаться три дня подряд.

Александр усмехнулся краем губ, но взгляд его оставался серьёзным.

— Мне кажется, Дин, я не коронацию жду. Я жду удара. От врагов за стенами... или от своих же вельмож.

Дин посмотрел на него внимательнее и, жуя яблоко, сказал:

— А ты держи голову выше. Пусть думают, что корона — твой щит, а не ярмо. Тогда они будут бояться, а не жалеть.

Александр молча перевёл взгляд на двор, где солнце золотило копья его воинов. Он чувствовал: приближается день, который изменит всё.

С первыми лучами солнца Майан пробудился от сна. Колокола ударили в башнях храмов, их звон разнёсся по улицам и переулкам, отозвался эхом в каменных стенах и в сердцах жителей. Настал день, которого ждали — день коронации наследника.

Город сиял. Флаги и знамёна сверкали на ветру: золотые круги Востока развеялись на башнях, алые и пурпурные ткани украшали площади, а на рынках раздавались песни и смех. Люди стекались к дворцу, оставляя лавки и дома — каждый хотел увидеть будущего короля.

Великий зал дворца был переполнен. Горели сотни свечей, играя светом на мраморе и позолоте. Высокие витражи пропускали холодные лучи света, от которых драгоценные камни и металлы на одеждах гостей сверкали ещё ярче.

Первыми шли маги Южного Пламени. Они были противоположностью кочевникам: молчаливые, в длинных чёрных и красных одеяниях, с узорами огня, вышитыми золотыми нитями. Их лица скрывали капюшоны, а в руках они несли жезлы. От них веяло холодным спокойствием и древней силой.

Запад прибыл шумно и пёстро: купцы в ярких кафтанах и с дорогими цепями на шеях, торговые послы с сундуками даров, пахнущих пряностями, и, наконец, принц Лиам — высокий, статный, в плаще цвета глубокого моря. Его улыбка была уверенной, почти дерзкой, а взгляд — пронзительным. Он вошёл так, будто уже был хозяином зала.

И лишь Север не прислал ни делегации, ни дара. Тяжёлое молчание легло на зал, когда об этом напомнили священники.

Народ внизу дворца толпился у помоста, и гул голосов сливался в единый рёв, словно море. Александр стоял за завесой в бело-пурпурном одеянии, украшенном золотой вышивкой, и слушал этот шум. На груди лежал медальон с гербом рода — орлом, расправившим крылья. Сердце его билось неровно.

— Пора, — сказал один из жрецов, и завеса поднялась.

Сотни глаз обратились на него. Толпа встретила его возгласом: «Да здравствует король!» Воины ударили копьями о щиты, звон разнёсся, словно гром.

Он шёл к трону медленно, шаг за шагом. Перед ним склонялись делегации: кочевники, маги, купцы. Лишь Лиам, задержавшись на миг, посмотрел прямо в глаза и склонил голову чуть позже других, с усмешкой, полузнаком уважения, полузнаком вызова.

Жрецы разожгли священный огонь, и король поднял венец — корону Востока. Она сияла золотом и кровавыми рубинами.

— Александру, сыну своего отца, наследнику рода Вейров, — возгласил Ялан, — быть отныне королём Востока, хранителем его земель и народа!

Корона опустилась на голову. Толпа взорвалась криком. Воины вновь ударили копьями. Факелы вспыхнули. Но в том же мгновении Александр почувствовал — вместе с короной на него легла тяжесть. Не золотая, не каменная. Тяжесть ответственности, предательства, будущих войн.

Он поднял взгляд и встретился глазами то с кочевниками, то с магами, то с Лиамом. Все они улыбались — но каждая улыбка была иной. Кто-то видел союзника. Кто-то — врага. Кто-то — будущую жертву. И в зале, полном света, Александр ощутил холод, от которого не спасали ни огни, ни золото.

Зал дворца сиял тысячами огней. На длинных столах, покрытых вышитыми скатертями, громоздились блюда: запечённые фазаны, ягнята, караси в медовой глазури, хлеб с тмином и мёдом, кубки с вином и крепким пивом. Музыканты играли на лютнях и флейтах, танцовщицы кружились, и смех сливался с гулом голосов.

Александр сидел во главе стола — теперь уже не как принц, а как король. На голове сияла корона, но она, казалось, весила тяжелее, чем сама сталь его доспехов.

Гости один за другим поднимали кубки.

— За нового короля Востока! — воскликнул вождь кочевников, высокий и широкоплечий, его голос гремел, как барабан. — Пусть его имя будет грозой врагам и опорой друзьям!

Маги Южного Пламени молча подняли кубки, их лица оставались непроницаемыми. В их жестах чувствовалась сила, но и скрытая угроза: они признавали нового короля, но не склонялись.

Купцы Запада поднимали кубки с куда большей охотой. Один за другим они восхваляли торговлю, богатство и дружбу. Их речи были длинны и украшены, как их одежды. Но Александр чувствовал — за сладкими словами прячется жажда выгоды.

И только Лиам пил молча. Его глаза, холодные и внимательные, почти не отрывались от Александра. Когда их взгляды встретились, Лиам улыбнулся — медленно, как человек, который знает больше, чем говорит.

Дин, сидевший рядом с братом, старался разбавить атмосферу. Он рассказывал истории о том, как они с Александром гоняли повариху по кухне в детстве, и смеялся громче всех. Народ за столами смеялся вместе с ним, и лишь гости из других земель сохраняли осторожность.

— Смотри, — шепнул Дин, наклонившись к Александру, — маги переговариваются, купцы считают монеты даже за пирогом, а этот Лиам смотрит на тебя так, будто уже сватается к твоему престолу.

Музыка усилилась, начались танцы. Лиам, будто нарочно, оставался в стороне — его внимание всё ещё было приковано к новому королю Востока.

Пир продолжался, но в душе Александра не было лёгкости. Он видел перед собой союзников, врагов и соперников. Каждый кубок, поднятый в его честь, звучал не только как поздравление, но и как вызов. И где-то за всей этой музыкой и смехом он ясно чувствовал: с этого вечера начинается не пиршество, а игра. Опасная и жестокая.

Когда шум пира начал перекрывать сам себя, Александр встал из-за стола и сделал вид, что хочет немного пройтись по залу. Дин остался за длинным столом, занятый кубком вина и рассказами, а король шагнул к дальнему углу, где, словно случайно, стоял Лиам. Принц Запада держал кубок легко, будто это был всего лишь реквизит в его руках, а сам он — актёр, играющий роль. Его улыбка была всё та же: тонкая, чуть насмешливая, но глаза оставались внимательными и холодными.

— Ваши люди славно умеют праздновать, — первым заговорил Лиам. — Восток знает толк в роскоши. Даже мои купцы сегодня нашли, чем насытить глаза и кошель.

Александр поднял кубок и сделал короткий плоток.

— Мы рады гостям. Особенно тем, кто умеет держать слово.

Лиам прищурился, но всё так же улыбался.

— Слово Запада крепко, как наши стены.

— А стены, — сказал Александр, сделав вид, что говорит почти рассеянно, — иногда скрывают не только сокровища, но и тайны. В Айсене говорят, что княжна исчезла. Народ шепчет разное. Одни обвиняют Южный огонь, другие — магов. Но ведь есть и те, кто думает иначе.

Он говорил тихо, будто замечание между делом, но каждая интонация была выверена.

Лиам не изменился в лице, только слегка наклонил голову.

— Восток всегда умел намекать тонко. Но разве честь Восточного короля — строить подозрения на шёпотах и слухах?

Александр чуть улыбнулся.

— Честь Востока — хранить равновесие. Если кто-то его нарушает, даже слухи могут стать оружием.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга — в их взглядах не было вина, не было веселья, только холодное понимание.

Лиам первым отвёл взгляд, пригубив вино.

— Тогда пусть Восток бережёт свои стены, а Запад — свои дороги. И пусть наши кубки будут полны, а сердца — пусты от подозрений.

— Пусть будет так, — ответил Александр, касаясь кубком его кубка. — Но память у Востока долгая.

Лиам улыбнулся шире, но глаза его так и остались холодными.

Когда пир подходил к своей поздней стадии — музыка всё быстрее, смех всё громче, вино всё крепче, — Александр наконец нашёл момент вернуться за стол. Дин встретил его хитрой улыбкой, уже слегка подогретый выпивкой, но глаза его оставались ясными и внимательными.

— Ну что, братец, — сказал он, пододвигая к Александру кубок, — я видел, как ты обменивался очень доброжелательными взглядами с нашим западным гостем. Вы, должно быть, обсуждали погоду?

Александр опустил на скамью и сделал глоток вина.

— Погоду, да. Только облака у нас разные. Он говорил о ясном небе, я же упомянул штормы.

Дин прыснул в смех.

— О, как тонко! Если бы это был я, я бы уже крикнул: «Где Айлин, собачий сын?!» — и получил бы кубком по голове. Но ты у нас дипломат.

Александр покачал головой.

— Запад играет слишком гладко. Лиам ни словом, ни взглядом не выдал себя. Но он слишком осторожен. Слишком.

Дин поставил локти на стол, наклонился ближе.

— Ты думаешь, он действительно может быть замешан в исчезновении княжны?

— Я думаю, — ответил Александр тихо, — что Запад не упустит случая воспользоваться её судьбой. Даже если они не похитили её сами, они будут играть так, будто всё идёт по их правилам.

Дин на мгновение задумался, потом пожал плечами и усмехнулся.

— А может, всё проще: Лиам просто хотел показать, что у него улыбка шире, чем у тебя.

Александр не сдержал короткой улыбки. Но внутри напряжение только крепло.

— Запомни, Дин, — сказал он, глядя на брата серьёзно, — сегодня на этом пиру каждый гость держал в руке кубок, но на самом деле у каждого в другой руке был кинжал. И мне придётся решить, чей удар опаснее.

Дин вздохнул, откинулся на спинку лавки и снова ухмыльнулся.

— Ну что ж. А я пока буду держать в руках оба кубка. Вдруг это и есть лучший способ остаться в живых.

И они оба рассмеялись — пусть коротко, пусть натянуто, но смех этот хоть немного растопил холод, который повис в сердце Александра после разговора с западным принцем.

Когда музыка сменилась на более торжественные мелодии, к трону шагнула делегация Южного Огня. Высокие, темноволосые кочевники, одетые в плащи из волчьих шкур и украшенные ожерельями из кости и золота, двигались степенно, с тяжёлой гордостью, как хищники, вошедшие в чужой лес.

Во главе шёл их посол — мужчина с лицом, иссечённым ветрами и временем. Его глаза, тёмные и глубокие, смотрели прямо на Александра. За ним несли сундуки: меха редких зверей, ковры, расшитые узорами пламени, кубки из чёрного серебра. Когда кочевники развернули ткани и подняли меха к свету факелов, зал ахнул от роскоши.

Посол поклонился — коротко, так, как склоняется буря лишь на миг перед грозой.

— Король Востока, — его голос был низок, тяжёл, словно раскаты грома. — Южный Огонь приносит тебе дары. Чтобы союз был крепок, а память о нашей дружбе жила дольше стали.

Александр поднялся со своего места и сделал несколько шагов навстречу. Его взгляд был твёрд.

— Восток принимает дары. И Восток уважает силу тех, кто живёт под солнцем и ветрами степей.

Посол кивнул, его губы скривились в подобии улыбки.

— Мы тоже уважаем силу. Но сила требует испытаний.

Он приблизился, так что слова его слышали только ближайшие к трону.

— Мы слышали, что Север пал во мрак. Князь и княгиня убиты. На троне сидят мальчишки.

В зале на миг стихло, будто даже музыканты уловили напряжение. Александр не отвёл взгляда.

— Север — это забота северян. Восток же здесь, чтобы хранить равновесие.

Посол наклонился ближе. Его голос был тихим, но в нём звенела угроза:

— Если равновесие сломается, то степь придёт в движение. Наши кони быстро пересекают границы, а копыта помнят дорогу на Север. Если трон Айсена останется в руках детей, земля обгадится кровью.

Александр сделал паузу. Медленно поднял кубок и пригубил.

— Тогда молись, чтобы равновесие не сломалось.

Посол отступил. Его улыбка была безрадостной, как резаная рана. Он снова вскинул руки, обращаясь уже к залу:

— Пусть живёт новый король Востока! Пусть его правление будет долгим, а союз с Южным Огнём крепким, как наши кости!

Гул аплодисментов и возгласов вновь наполнил зал, но за всей этой пышностью Александр чувствовал холод — словно вместе с дарами в его дом занесли предупреждение.

Музыка смолкла не сразу, но словно сама задохнулась, когда двери зала распахнулись. С порога шагнул высокий мужчина в потёртом плаще, и стража, уже подхватив руки к мечам, замерла. Его шаги были тяжёлыми, уверенными, и лишь глаза — пылающими, словно несущими огонь с собой.

— Где княжна Айлин? — прозвучало, как удар.

Сотни взглядов обернулись к нему. Придворные ахнули, кочевники нахмурились, маги Южного Пламени напряглись, будто почуяли знакомый след.

— Кто ты, чтобы кричать в зале короля? — раздался голос стражника.

Незнакомец бросил плащ с плеч, и зал охнул: на его шее виднелись резные знаки магического круга, давно перечёркнутые огнём изгнания.

— Меня зовут Норвуд, — его голос был хриплым, но каждое слово звучало, как удар колокола. — Я тот, кого вы называли предателем, лишь за то, что говорил правду.

Он шагнул вперёд.

— Север в крови. Князь и княгиня мертвы. Близнецы на троне — игрушки. А княжна Айлин исчезла! И вы все — короли, принцы, послы — празднуете, словно мир ещё цел.

Зал загудел, но Норвуд поднял руку.

— Вы можете молчать. Но война уже идёт. И если никто не спросит: «Где княжна?» — её кровь падёт на каждого из вас.

Его взгляд остановился на Лиаме.

— Особенно на Запад. Слишком много дорог ведёт к вашим землям.

Воздух в зале стал густым, как перед бурей. Александр встал.

— Довольно! — его голос был властным. — Ты пришёл без приглашения, изгнанник. Но твои слова услышаны.

Стража шагнула к Норвуду. Тот не сопротивлялся, только усмехнулся.

— Тогда слушай внимательно, король. В пророчестве сказано: искра войны вспыхнет там, где исчезнет звезда Севера. Ты можешь отвести глаза, но пламя всё равно найдёт дорогу.

Его вывели. Двери хлопнули. Шум в зале вернулся, но уже другим — тревожным, тяжёлым. И среди этого гула Александр почувствовал взгляд Лиамы. Тот сидел спокойно, даже слишком спокойно, и едва заметная улыбка скользнула по его лицу.

Когда крики гостей заглушили всё, Лиам наклонился ближе к Александру.

— Хороший спектакль, не правда ли? И очень удобный: обвинить Запад в чужих грехах.

Александр ответил так же тихо:

— Иногда спектакль говорит больше, чем тысяча свидетелей.

— Осторожнее, юный король, — прошептал Лиам, его глаза сверкнули. — Ты можешь привыкнуть к тому, что каждый враг стоит на Западе. Но тогда однажды ты не заметишь, как настоящая угроза окажется рядом.

Александр чуть усмехнулся.

— А я привык замечать тех, кто слишком гладко улыбается.

Они замолчали, каждый пригубил вино. Снаружи гремела музыка, но в их молчании чувствовалась гроза, готовая разразиться.

Коронация завершилась глубокой ночью. Огни факелов ещё горели в коридорах дворца, но смех и музыка затихли. Гости разошлись по покоям, кочевники — шумной толпой, купцы — переговариваясь о сделках, маги Южного Пламени растворились в темноте, словно никогда и не были здесь.

Александр, усталый, но настороженный, не пошёл сразу в свои покои. Его ожидал другой гость.

В нижнем зале, за закрытой дверью, сидел Норвуд. Руки его были свободны — Александр приказал снять путы. Он ждал спокойно, будто знал, что разговор состоится.

Когда король вошёл, стража осталась снаружи.

— Ты рисковал жизнью, ворвавшись в мой пир, — сказал Александр, опускаясь в кресло напротив. — Обвинения на виду у послов могли обернуться твоей смертью.

— Смерть не страшит того, кто видел, как рушится будущее, — ответил Норвуд спокойно. — Я знал, что не умру сегодня.

Александр нахмурился.

— Ты всё время говоришь загадками. Но если ты хотел моего внимания — ты его получил. Говори ясно.

Норвуд посмотрел прямо в его глаза.

— Княжна Айлин — ключ. Её исчезновение — начало. Север пал, и это лишь первый шаг. Пророчество, которое я видел, предупреждает: материк охватит война, где каждая держава поднимет оружие. Восток окажется в центре.

Александр сжал подлокотники трона.

— Почему мне верить изгнаннику, которого даже собственные братья-магистры отвергли?

Норвуд наклонился вперёд.

— Потому что я сказал правду тогда... и говорю её сейчас. Меня изгнали за то, что я назвал имена тех, кто жаждет войны. Я сказал: огонь идёт с юга, золото — с запада, кровь — с севера. Но их гордыня ослепила их.

Александр всмотрелся в него.

— А Восток? Что ждёт нас?

— Восток станет весами, — сказал Норвуд, голос его звучал как предвестие. — От твоих решений зависит, рухнет ли равновесие или устоит. Но помни: враги уже рядом. Даже те, кто сегодня пил за твоё здоровье, завтра могут поднять кубок за твою смерть.

Они замолчали. Только факелы потрескивали на стенах.

Александр тихо сказал:

— Если то, что ты говоришь, правда... тогда мне нужно больше, чем пророчества. Мне нужны факты.

Норвуд усмехнулся.

— Факты найдёшь ты сам. Я дам тебе только карту дорог, по которым идёт война. — Он поднялся. — Время покажет, Восток. Но когда пламя разгорится, вспомни: я предупреждал.

Александр смотрел на него в тишине. Между ними стояло не доверие и не вражда — лишь холодное знание, что их пути теперь связаны.

Повисла тишина, прерываемая лишь потрескиванием факелов. Александр долго молчал, и наконец спросил:

— Айлин. Жива ли она?

На миг лицо Норвуда дрогнуло — впервые за весь разговор. Он отвёл взгляд, будто слова давались с трудом.

— После темницы её никто не видел.

Эти слова повисли над залом, тяжелее любых пророчеств. Александр почувствовал, как холод прокрался к сердцу. Он хотел услышать надежду, но вместо этого получил пустоту.

Король долго сидел в пустом зале после ухода Норвуда. Факелы догорали, бросая на стены колеблющиеся тени, будто сама тьма насмехалась над его сомнениями. Слова изгнанника не выходили из головы: «После темницы её никто не видел». Эта неопределённость жгла хуже прямого ответа.

Он поднялся и тихо вышел в коридоры дворца. Там, где шум пира уже смолк, тянулись длинные тени, и лишь редкие воины патрулировали залы. Александр свернул в боковой коридор, к покоям своего двоюродного брата.

Дин не спал. Услышав осторожный стук, он приоткрыл дверь, улыбнулся своей привычной, почти насмешливой улыбкой.

— Ну что, братец, король без сна? Или вино оказалось слишком слабым?

— Не время для шуток, — ответил Александр. Он вошёл, прикрыл за собой дверь. — Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал.

Дин нахмурился.

— Звучит серьёзно.

Александр сел на край стола, склонившись вперёд, чтобы говорить тише:

— Сегодня я говорил с Норвудом. Он утверждает, что после темницы княжну Айлин никто не видел. Ни живой, ни мёртвой.

На мгновение шутовское выражение исчезло с лица Дина.

— И ты хочешь знать правду?

— Хочу больше, чем правду. Хочу знать, где она. Кто стоит за её исчезновением. Жива ли она... или её смерть — дело чужих рук.

Дин задумчиво потер подбородок.

— Это не будет легко. Если её скрывают, значит, замешаны сильные люди. Запад? Юг? Может, даже кто-то из наших...

Александр резко поднял руку.

— Тихо. Не здесь и не сейчас. Делай, что должен, но так, чтобы об этом не узнала даже тень.

Дин кивнул. Его глаза загорелись азартом — он любил такие тайные поручения, в них было место и игре, и риску.

— Значит, расследование... Хорошо, кузен. Я найду следы. Пусть даже придётся пройти полмира.

Александр посмотрел на него пристально, будто проверяя, готов ли брат нести этот груз. Потом сказал тихо:

— Дин, ты единственный, кому я могу доверить это. Если Айлин жива — я должен знать. Если мертва — я обязан узнать, кто лишил её жизни.

Они обменялись коротким рукопожатием.

И в ту ночь, когда дворец наконец погрузился в сон, Дин уже начал составлять план — где искать свидетелей, с кого начинать допросы, каким образом пробраться к тем, кто наверняка знал больше, чем говорил.

А Александр остался в тишине своих покоев, впервые за долгое время чувствуя, что его жизнь, его трон и сам Восток теперь связаны с судьбой северной княжны.

Глава 10

Дин любил ночь. Она скрывала тех, кто искал слишком много, и открывала дорогу тем, кто искал слишком мало. Идеальное время для того, чтобы выйти из дворца и не оставить за собой следов.

Пока король — его кузен и лучший друг — сидел в мрачных покоях, глядя в пустоту, Дин уже действовал. Он накинул тёмный плащ, припрятал под ним кинжал и выбрал самый незаметный выход из дворца.

— Вот и начнём, — пробормотал он себе под нос. — Северная княжна, пропавшая словно утренний иней... Ну что ж, посмотрим, где ты оставила следы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.